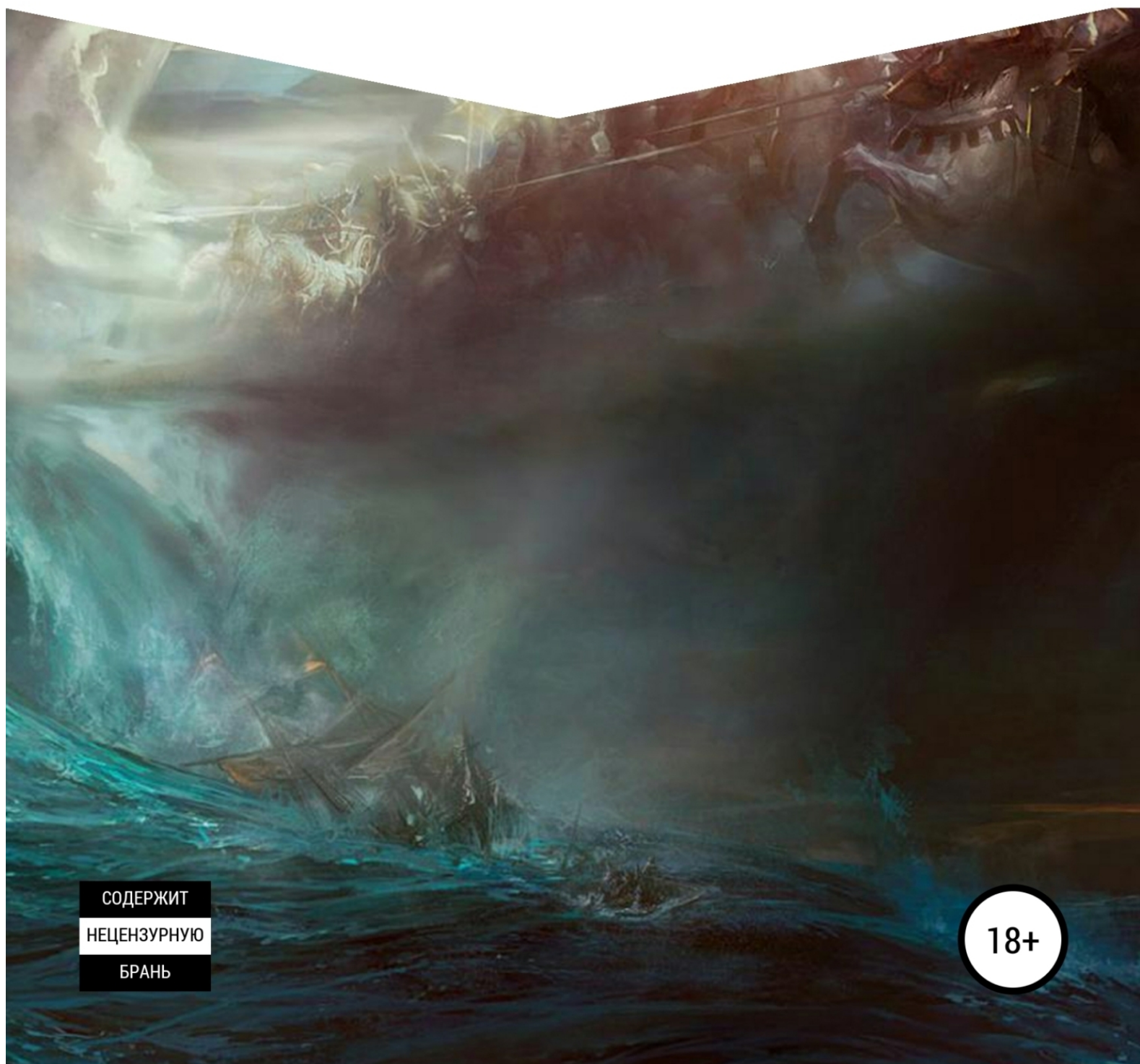

Виноградов Максим

ДОГОВО ТЪМЫ

книга #3

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Противоборство Тьме

Максим Виноградов

ЛОГОВО ТЬМЫ

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Виноградов М. В.

Логово тьмы / М. В. Виноградов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Противоборство Тьме)

Слишком много загадок, слишком серьезные вызовы. Но они вмиг становятся разрешимыми, стоит лишь принять на веру один факт: все не то, чем кажется. Любовь или имитация, дружба или служба, случайность или точный расчет? Все не то, чем кажется. Отправляясь в логово тьмы, принимая на себя главный удар зла, героям книги остается ответить на последний вопрос: а те ли они, за кого себя выдают? Содержит нецензурную брань.

© Виноградов М. В., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава №1. Экскурс	5
Глава №2. Революция	27
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава №1. Экскурс

*Пластмассовый мир победил,
Макет оказался сильней.
Последний кораблик остыл.
Последний фонарик устал.*

Дирижабль летел ровно, без рывков и покачиваний, в округлые окна гондолы виднелись пролетающие мимо облака, контуры земли угадывались далеко внизу.

Чтобы приподняться, пришлось сделать значительное усилие, боль пронзала все тело, в особенности избитое лицо; усталость вместе с травмами требовали продолжительного отдыха, но неотложные дела не позволяли расслабиться.

Оглядел внутренности гондолы, внимательно рассматривая спутников. Как же все изменились, повзрослели, заматерели, даже, наверное, постарели.

Анжела – выдающаяся заклинательница, вероятно, лучшая в Прусской Республике, а то и в мире вообще. По-прежнему невероятно прекрасна, несмотря на явную усталость и недоедание. Невысокая, хрупкая, идеально стройная голубоглазая брюнетка. Она сидела в кресле напротив, элегантно закинув ногу на ногу.

Удивительно, но даже сейчас, в помятой и выдавшей виды одежде девушка умудрялась выглядеть настоящей принцессой – чуть растрепанной и взлохмаченной, но все такой же милой и привлекательной, как обычно. Потертые узкие джинсы, маленькие аккуратные сапожки, блузка, бывшая когда-то белоснежно белой, декоративный красный шарфик, небрежно скинутый на спинку кресла плащ. Из набора, в общем-то, вполне обычных вещей, Анжела умудряется создать запоминающийся впечатляющий образ, будто вышедший из-под руки коллектива дизайнеров.

Темные волосы разбросаны в творческом беспорядке; на губах сдержанная улыбка; глаза смотрят на меня с заметной теплотой и легкой жалостью. В уголках глаз появились несколько новых морщинок, в темных прядях можно рассмотреть седые локоны. А ведь ей всего лишь немногим больше двадцати...

Похудела, ослабла, девушке явно нужно восстанавливать силы и поправить здоровье. Добровольная голодовка, длившаяся бог знает сколько дней, дает о себе знать.

Как бы то не было, ловлю себя на том, что она чудо как хороша! Улыбаюсь Анжеле, а девушка, будто прочитав мысли, устало подмигивает.

Перевожу взгляд на Ханса, то есть – тьфу! – на его двойника. Джон Доусон, так теперь зовут того, кто пару лет назад был для меня Боссом, наставником, другом, чуть ли не отцом.

Он аккуратно присел на краешек дивана, настороженный взгляд буравит всех по очереди. Все же Джон отличается от Ханса, но – явно в лучшую сторону. Он словно его более молодая версия – без седины на висках, без морщин, без обреченности и смертельной болезни. Да еще, судя по всему, без маниакального пристрастия к алкоголю.

Одет просто, в толстые добротные штаны, боты из промасленной кожи. Теплый свитер и непромокаемая куртка завершают образ. В руках мнет широкополую шляпу, не зная, куда ее деть.

Встретившись со мной взглядом, глаз не отводит, смотрит прямо, дерзко, испытующе. Читает, читает меня, как книгу. Так умел делать Ханс, смотреть вглубь людей, видеть их самую суть. Теперь Джон, настоящий двойник, делает тоже самое. Ну что ж, пусть его, может хоть успокоится слегка.

Удобное кресло с трудом выпустило из объятий, неуверенной походкой пробираюсь к кабине. Проходя мимо большого полноростового зеркала, вмонтированного в переборку, невольно кидаю взгляд на отражение.

Вот так красавчик! Темные волосы взбиты колтунами; серые зрачки едва угадываются из-под заплывших синяками глаз; лицо – сплошная рана, все в сини и кровоподтеках; губы разбиты в мясо; нос кривоват, под ноздрями потеки засохшей крови. Рваная грязная тряпка, бывшая когда-то футболкой, чудом удерживается на торсе. Джинсы такие же грязные – в пятнах непонятого цвета, грязь вперемешку с кровью и травой. Руки обессиленно висят, ноги едва ходят. Все тело сплошной синяк, источающий ноющую неприятную боль.

– Что, Глеб, здорово тебя отделали? – не оборачиваясь спрашивает Химик.

– Да уж, краше в гроб кладут, – мрачно замечаю я.

Спина Григория сотрясается от ехидной усмешки, сам он продолжает колдовать над приборами. Кресло пилота жалобно поскрипывает под немаленькими габаритами; широкие плечи заслоняют половину приборной доски; копна черных волос падает поверх кожного плаща.

– Ничего, подлатаем, – с успокаивающей интонацией констатирует Химик, – Только вот с управлением разберусь.

Он перещелкивает пару каких-то тумблеров, рука уверенно удерживает впечатляющих размеров руль. Под левым рукавом отчетливо вижу протез – чудо техники, магии и алхимии, совмещенных воедино. Взгляд мужчины ползет по приборам, он удовлетворенно кивает и что-то невнятно бормочет под нос.

– Откуда ты знаешь, как управлять дирижаблем? – спрашиваю я.

– Да... тут делов-то... – отмахивается Григорий, – Немногим сложнее, чем мехмобиль. По крайней мере, пока не нужно показывать высший пилотаж. Лететь прямо, вверх и вниз – это уж я точно смогу. Тебе, кстати, тоже не лишним будет подучиться!

– У меня от одних стрелок и кнопок глаза разбегаются.

– Это с непривычки. Тут все вполне логично, главное понять принцип.

– Пока не вижу никакой логики, – говорю, слегка морщась от приступов боли.

– Ну, смотри внимательно, – Химик бросает беглый взгляд, начиная экскурс по панели управления, – Здесь – индикаторы состояния дирижабля в целом. Заряд энергона, давление и температура газа, уровень масла, и всякое прочее, – рука Григория последовательно перемещается по приборам, следуя за объяснениями, – Дальше указатели положения и скорости. Вот компас, альтиметр, индикаторы угла наклона, спидометры – продольный и поперечный, тут же тахометр, барометр...

– Стой, я все равно не запомню...

– Ладно, главное, улови суть. Самое основное в управлении дирижаблем – вот эти рычаги. Здесь тяга, поворот рулей, регулятор подъемной силы...

– А ветер? Ветер ты учиываешь?

– Конечно! Не учитывать ветер, летя на дирижабле, это как ссать против него – можно, конечно, но муторно и небезопасно. Вот же, специально, целый комплекс – анемометр, роза ветров...

– Роза? Ох... Химик, откуда ты все это знаешь?

– Ну как, откуда, – Григорий улыбается одними глазами, – Я же бывший граф, забыл, что ли? Доводилось, по роду службы, всякое попробовать.

Не сказать, что это объяснение меня удовлетворило, но расспрашивать дальше сил не было. Я прислонился к дверному косяку, взор блуждал по многочисленным стрелкам и кнопкам, за лобовым стеклом проплывала синеющая даль неба.

– А это что? – я указал на витиеватую гравировку, расположившуюся прямо над приборной панелью.

– "Расторопный" – название судна, – пояснил Химик, – Кстати, неплохо бы проверить, что там насчет еды...

Я кивнул и вышел из кабины. Дверь прикрывать не стал, так как-то спокойнее. С трудом подавив желание вновь плюхнуться в мягкое кресло, прошелся по салону.

– Анжи, – хрипло попросил я, – Загляни, пожалуйста, на камбуз. Нужно посмотреть, что с припасами, да и подкрепиться не помешает.

– Я помогу, – бросил Джон, поднимаясь вслед девушке.

– Добро, а я устрою ревизию в двигательном отсеке.

В таком небольшом дирижабле, как "Расторопный", под двигателями не было нужды выделять отдельную гондолу, все находилось, можно сказать, под одной крышей. Пройдя в дальнюю часть салона, я с трудом отворил тщательно задраенный люк, переборка пропустила внутрь механического отделения.

Здесь даже пахло механикой. Электричеством, смазкой, крутящимися частями. Едва ощутимая вибрация распространялась от двигателя, расположенного в самом хвосте отсека. Уха достигало чуть слышное шуршание хорошо смазанных механизмов, на ультразвуковой границе раздавалось негромкое гудение энергонного реактора.

Признаюсь, я не большой знаток механики и электрики. Больше, на что меня хватило – визуальная диагностика отсутствия неисправностей. С умным видом посмотрел на горящие зеленым лампочки; с удовлетворением отметил отсутствие протечек и конденсата; оглядел проводку на предмет повреждения изоляции; глубокомысленно хмыкнул, проверив чистоту рулевого механизма.

Меня немного заинтересовал большой шкаф, стоящий в дальнем углу отсека. Он был под завязку набит какой-то электрической схемотехникой, а интерес вызвал по двум причинам. Во-первых, я никак не мог понять его назначения, не вязался он ни к какому другому устройству. А во-вторых, не оставляло ощущение, что нечто подобное я уже видел. Но где, при каких обстоятельствах – память отказывалась давать ответы.

– Все в порядке, – доложил я, вернувшись в кают-компанию.

– С едой тоже неплохо, – откликнулась Анжела, накрывая на стол, – Хватит дня на три, а если экономить, то и на неделю.

С помощью Доусона девушка соорудила небольшой перекус – хлеб, сыр, копченое мясо и горячий чай. Едва я успел угнездиться за столом, как из рубки показался Григорий.

– Ну что, отобедаем! – заявил он, потирая руки.

– Эй, а кто управляет дирижаблем? – воскликнула Анжела, буквально сняв фразу с моего языка.

– Хм... Я удостоверился, что все в норме и зафиксировал рули, – пояснил Химик, – Теперь мы можем лететь прямо сколь угодно долго.

– И ни во что не врежемся? – осторожно поинтересовался я.

– Ну... Если только в другой дирижабль. Но вероятность этого, сам понимаешь, крайне мала.

– А ветер? Разве нас не повернет с курса?

– Чтобы сбить с курса, – рассудительно ответил Григорий, – Для начала неплохо бы знать, куда мы, собственно его держим. У тебя есть варианты, Глеб?

Я ненадолго задумался и отрицательно помотал головой.

– То-то и оно! – Химик назидательно воздел палец, – А потому давайте откушаем, а уж потом решим, куда лететь и что, вообще, делать.

Все с энтузиазмом принялись за пищу, а вот я, несмотря на мучивший голод, не смог последовать общему примеру. Ужасно болела челюсть, губы не слушались, зубы шатались так, что стало страшно кусать чтобы то ни было. В конце концов, я выбрал кусок хлебного мякиша и принялся рассасывать, будто глубокий старик.

Григорий некоторое время наблюдал за моими потугами, потом не выдержал.

– Хватит, Глеб. Пойдем, займись твоими ранами.

Он поднялся, откуда-то из-за дивана возникла сумка со снадобьями. Повинуясь приглашающему жесту, я переместился в ближайшую каюту. Кровать, не отличающаяся особой шириной и мягкостью, показалась вершиной комфортабельности после тюремной койки.

– Ложись, и скинь с себя эту рванину, – распорядился Химик, – Думаю, на "Расторопном" найдется хоть что-то из одежды.

С наслаждением сбросив грязную одежду, я со вздохом принял горизонтальное положение. Скосив глаза, наблюдал за работой Химика.

Григорий расчехлил сумку. На свет показались несколько бутылочек и небольшая плоская тарелка, куда Химик начал сыпать один за другим неизвестные мне ингредиенты. Слабенько полыхнуло, раздался небольшой "бух", еле заметный дымок поднялся к потолку. Григорий достал пипетку и с большой осторожностью собрал в нее содержимое тарелки.

– Лежи спокойно, – скомандовал он, – Я прижгу раны.

Я, как мог, старался исполнить указания алхимика, пока он покрывал мое израненное тело снадобьем. Каждая капля, соприкасаясь с кожей, вызывала чувствительный укол и затихающее жжение, переходящее в приятное тепло.

– Так, теперь заживляющая мазь, – пробормотал Химик, – Закрой глаза!

Я повиновался, Григорий принялся размазывать мне по лицу нечто склизкое и холодное. От мази ощущения были не очень-то приятными, скорее она вызывала ассоциации с чем-то мерзким, вроде гнили или слюны.

– Слушай, Химик, пока не забыл, – проговорил я с трудом разомкнув слипшиеся губы, – Там, в двигательном, есть странный шкаф. Не знаешь, что это за хрень?

– Молчи, Глеб, не дергайся! – раздраженно оборвал меня Григорий, – Не забивай голову ерундой. А еще лучше – спи!

– Но я не хочу спать.

Мои глаза были плотно прикрыты, я не мог знать, что делает Химик, только расслышал звук открываемой бутылочки. Неожиданно под носом оказалась склянка, я невольно вдохнул терпкий запах, едва не закашлялся от проникших в легкие паров.

– Вот б... л... м... – не успев закончить фразу, я погрузился в глубокий спокойный сон.

Сновидения явились, не заставив себя ждать. Словно на кадрах кинохроники передо мной развернулись события двухлетней давности...

Путешествие по лесу, первая встреча с Нейти, роковой суккубой. Чудесное спасение из смертельных объятий, постепенное исцеление, и неожиданно открывшийся дар, с которым я так и не смог свыкнуться. Необъяснимый талант вызывать у прекрасного пола неодолимое сексуальное влечение... И лишь амулет из уваровита удерживает странное умение в некоем подобии узды.

Спустя годы картина встречи с Нейти уже слегка поблекла, воспоминания не столь остры, как раньше. Надеюсь, придет время, когда я смогу произносить ее имя без учащенного пульса.

Потом... Знакомство с Хансом, вступление в вундертим, череда невероятных приключений. Нападение орды на Пруссию, падение Бастиона, и – жертва Босса, с помощью которой он спас всех от неминуемой войны на уничтожение.

Даже во сне ощущаю горечь утраты, тяжелую потерю. А видения двигаются дальше, не задерживаясь ни на чем конкретно.

Новая команда, возглавить которую выпадает честь мне. Последовательность событий, побед и провалов, постепенно приводящая к тюремному заключению. Суд, похожий больше на актерскую профанацию, и чудесное спасение от верной смерти. Как заключительный аккорд – драка с Марио, по результату коей мы и оказываемся на летящем дирижабле, удаляющемся прочь от Республики, на территорию Диких Земель.

Сон... Но все так реально, будто заново переживаю каждый шаг, вздох, каждое слово, удар, выстрел. Насколько круто и удивительно, оказывается, может измениться жизнь всего лишь за два года – срок, что ни говори, в масштабах поколения почти незаметный.

В себя пришел от приятного ощущения силы, струящейся по телу. Она мощным потоком входила со стороны темечка и, растворяясь в мышцах, оседала по всему избитому организму. Приоткрыв глаза, я увидел склонившуюся надо мной Анжелу.

– Эй, ты что! – возмутился я, – Сама еле на ногах держишься!

– Лежи! – ладонь девушки с неожиданной силой ткнула в лоб, заставив вновь растянуться на постели, – Магия восстанавливается быстрее, чем здоровье. Поделюсь, ничего со мной не случится.

– Но ты же не лекарь...

– И что? – удивилась Анжела, – Чистую силу еще никто не отменял. Это тебе не стихиями мериться, я просто перекачиваю магическую энергию. Так что лежи спокойно и предоставь архимагу делать свое дело.

Архимагу, как же. Хотя... Силой Принцесса не уступит никому, в этом я уверен, подкачать может лишь умение. Но... у кого учиться архимагу, если более сильных магов просто нет? Тут уже все на самоощущениях, на чутье, интуиции. Если девушка чувствует, что она достойна, вероятно так оно и есть.

Я спокойно дышал, давая магии проделать исцеляющую работу. Анжела наклонилась над кроватью, девичья ладонь почти касалась моего лба, расстегнутый край блузки открыл моему взору приятные округлости женской груди. Я позволил себе еле заметную улыбку, но она не ускользнула от внимания заклинательницы.

– Эй, на что это ты уставился? – с наигранным возмущением фыркнула Анжела.

– У тебя новый кулон, очень красивый, – я легко нашелся с ответом, – Раньше его никогда не видел.

Удивительно, но девушка смутилась, рука отпрянула от моего лба, легкая краска залила щеки. Анжела выпрямилась, оправила блузку, застегнув ее на все пуговицы.

– Хватит на сегодня процедур, – заявила она, – Ты уже выглядишь... терпимо. Попробуй встать.

Я приподнялся, стараясь не делать лишних движений. Удивительно, усталость совершенно забылась, организм чувствовал себя отдохнувшим и готовым к новым свершениям. Встал, стыдливо прикрывшись одеялом, в зеркале на стене отразилось чуть припухшее помятое лицо, не идущее ни в какое сравнение с тем кровавым месивом, что я видел несколькими часами ранее.

– Спасибо! – с чувством сказал я, разглядывая физиономию.

Почти все зажило, только шрам, доставшийся от Нейти, никуда не делся. Все также начинается от верхней губы и уродливым рубцом проходит до левого уха.

И опять Анжела будто угадывает мысли. Ее ладонь бережно прикасается к шраму, робкой лаской пройдясь по бурому рубцу.

– Ничего, он тебя не портит, – мягко произнесла девушка, заставив меня вздрогнуть от скрытой в голосе нежности.

Она сдержанно улыбается, отворачиваясь в сторону и давая мне возможность одеться. Вместо порванной футболки на стуле ждет заправская морская тельняшка, я с наслаждением надеваю чистое белье. Закончив возиться со штанами и обувью, поворачиваюсь к девушке.

– Благодарю, Анжи, – мягко произношу я, – Вы с Григорием лучшие лекари в мире!

– Будем считать, что мы квиты, – хитро выдыхает девушка.

Мне остается только гадать, что она имеет в виду. Был между нами один давешний эпизод, когда мне пришлось применить к заклинательнице экстренную терапию... Правда об этом никто не в курсе, кроме меня самого. Неужели и она каким-то образом прознала?

– Кхм... – я решаю не развивать тему, – Кстати, хотел спросить. Там, на суде... Тебя ведь вполне могли оправдать.

– Ну да! Только для этого пришлось бы клеветать на тебя и, по сути, отречься от совместной работы.

– Подумаешь... Зато ты осталась бы в Республике...

– Нет, Глеб. Это же предательство! К тому же...

– Что?

– Я была под присягой, – улыбается Анжела, – И говорила только правду.

Я нервно сглатываю, стараясь вспомнить, что же вещала девушка в своих показаниях. Что-то вроде "мы любим друг друга".

Мы встречаемся взглядами, меня чуть не бросает в жар. Глаза Анжелы обещают... многое.

Два года мы были не более, чем близкими друзьями. С каких это пор между нами промелькнуло нечто новое? Неужели амулет перестал работать? Или остаточный эффект возымел накопительное действие? Странно... В ее взгляде читается не простое вожеление, а настоящее тепло, глубокое искренне чувство. Жаль, что я не ощущаю чего-то подобного.

– Я... проводаю Химику, – неловко нарушаю тишину, – Пусть отдохнет, подежурю в рубке.

– Хорошо, – кивает девушка, – Ты не против, если я тут посплю? Очень уютная каюта.

Я не против. Дерганными движениями перемещаю себя за дверь, стараясь не слишком пилиться на начавшую разоблачаться заклинательницу. Прикрываю дверцу, с шумом вырывается задержанное дыхание, рукав вытирает выступивший на лбу пот.

"Женщина на корабле – к беде", – вспоминаю флотскую поговорку.

Интересно, а как на дирижабле? Ладно, я справлюсь.

Рубка встретила меня подмигиванием индикаторов, Григорий поднял уставший взор от разложенной карты. Впереди, за стеклом, вечер превращался в ночь, солнце садилось, освобождая место луне и звездам.

– Неплохо выглядишь, – проворчал Химик, – Хорошо, что пришел. Твоя очередь дежурить.

– Что мне делать?

– Следи за приборами, – Григорий поднялся, потянувшись, внимательно оглядел меня и добавил, – Ничего не трогай! Если что не так, буди!

Он уступил место в кресле пилота, я уселся, ощущая непривычный душевный подъем. Все-таки управлять дирижаблем гораздо интереснее, чем мехмобилем.

– Следить за приборами... – тихонько повторил я, когда Химик ушел отдыхать, – Ничего не трогать...

Лампочки на панели весело перемигивались, стрелки указателей едва заметно подрагивали. Я проверил указатель заряда – почти полный, посмотрел на высоту, скорость. Глянул вниз, на землю.

Далеко внизу, под нами, проплывала мимо небольшая деревушка. Ее огни смотрелись одиноко, но неожиданно радостно на фоне темной беспросветной долины. Интересно, сколько там жителей? Чем они живут, как зарабатывают, о чем мечтают? Насколько их мечты и желания далеки от моих?

Могли ли они увидеть пролетающий дирижабль? Вряд ли. Звук электродвигателя практически не слышен, тем более на таком расстоянии. Световые маячки мы выключили, чтобы быть незаметнее. Небольшой темный силуэт на фоне гаснущего неба – пожалуй, можно заметить, если только знать, куда смотреть.

Блеклая вспышка привлекла внимание, я поднял глаза к горизонту. Далеко-далеко впереди, почти на пределе видимости, темные тучи надвигались мрачным фронтом, с севера шла

гроза. Я знал, где-то там – океан, вечно бушующий, беспокойный. Он-то и насыляет на сушу своих детей – могучие ветры и страшные грозы.

Молния сверкнула у самого горизонта, ее подруга ударила рядышком, пронзая мрачную тьму. Тучи катились неостановимой волной, пожирая тускнеющее небо. Звездное воинство проигрывало войну армии мрака.

Я заворожено смотрел на грозовой фронт, вспышки отражались от лобового стекла, высвечивая на долю секунды бесконечные пространства внизу. В голове сами собой всплыли строки, услышанные когда-то в одном из придорожных трактиров.

*Тьма наступает,
Никто не в силах
Ее познать.
Но лед растает,
Как сто раз было
Придет весна.
Наступит утро,
Рассвет поможет
Рассеять мрак.
Ночная мудрость
Исчезнет тоже.
Да будет так!*

"Да будет так, – крутилось в голове надоедливый рефреном, – Да будет так!"

Гроза на горизонте разошлась во всю мощь. Я решил не будить Григория, уйти от непогоды сумею и сам. Снял блокировку и плавным движением осторожно сдвинул руль. Дирижабль, даже не вздрогнув, стал послушно забираться южнее. Контролируя курс по компасу, я вывел "Расторопного" на безопасный маршрут, оставив вспышки молний далеко на севере. Управлять дирижаблем оказалось очень... необычно. Интересно, слегка волнительно и приятно. Странно, что небольшое усилие, едва заметный поворот рычага приводит в движение такую большую конструкцию. Забавно, каково же управлять чем-то действительно большим?

Ночь целиком завладела миром, над землей разлилась темнота. Луна светила где-то позади, звездное небо подмигивало огоньками, приборная панель тускло освещала рубку приглушенным отсветом. Я погрузился в волшебную сказку, наслаждаясь необычной тишиной, покоем и приятным полумраком.

Неожиданно быстро пришел рассвет, темное время суток промелькнуло незаметно. Я продолжал сидеть недвижно, в состоянии полного успокоения. Где-то позади, в гондоле, послышались звуки открываемых дверей, тихие голоса возвестили о том, что экипаж просыпается.

– Эй, пилот, пойдем завтракать! – холодная ладонь Анжелы взерошила волосы.

Я неторопливо начал выбираться из кресла. Григорий подошел, бросил быстрый взгляд на приборы и недовольно нахмурился.

– Ты сменил курс? – насупившись спросил он.

– Да, пришлось повернуть, чтобы не попасть в грозу.

– Я же просил разбудить!

– Какая разница? – я удивленно посмотрел на него, – Ничего страшного не случилось. Просто хотел дать тебе отдохнуть.

Химик забурчал под нос, внимательно всматриваясь то в компас, то за окно, словно пытаясь отыскать какие-то знакомые ориентиры. Наконец, он махнул рукой и с разочарованным видом уселся в кают-компанию. Все собрались на завтрак.

– Итак, Босс, – с легкой иронией обратился ко мне Григорий, – Куда мы направляемся?

– Это зависит от двух вещей, – пережевывая бутерброд ответил я, – Куда мы можем и куда мы хотим.

– Если ты имеешь в виду ресурс дирижабля, то лететь мы можем еще очень далеко и долго, – Химик запивал снеки горячим кофе, – А вот запасы провизии пополнить не помешало бы, уже завтра придется затягивать пояса потуже.

– Ну... а тут есть какие-то города, где мы можем приземлиться?

– Тут много что есть...

Григорий подвинул тарелки с закусками, небрежно сдул крошки, на освободившемся столе оказалась размашистая карта. Большую ее часть занимала западная окраина Республики, ограниченная живописно нарисованной Великой Стеной, а вот дальше шло изображение Диких Земель, не очень-то подробно разрисованное, но определенные места были четко отмечены.

– К сожалению, у нас имеется только приблизительная карта, – промямлил Химик, – Как вы понимаете, Дикие Земли не торопятся предоставлять картографическую информацию. Конечно, Прусские разведчики летают везде, но у них и карты свои, засекреченные. А никто из нас, естественно, не догадался захватить подобную. Ты кстати, – он бросил на меня недовольный взгляд, – Мог бы и изучать секретную документацию, пока был на службе.

– Да как-то все не до того было, – отмахнулся я, – Других проблем хватало. Давай, рассказывай, что тут к чему.

– Как видишь, точность карты оставляет желать лучшего, – он ткнул пальцем по бумаге, – Вся торговля с Пруссией происходит в основном через Брюссель и Амстердам, мелкие городки в счет не берем. Но главные центры Диких Земель, конечно, находятся гораздо дальше.

– А вот что такое? – я указал на заметный кружок, – Город?

– Ага, сейчас... Пэ-й-рис, – по слогам прочитал Григорий, – Насколько я слышал, одна из столиц Диких Княжеств.

– Пари, – неожиданно вмешался Джон, – Правильно говорить "Пари".

– Ты там бывал? – все посмотрели на Доусона крайне вопросительно.

– Да... – неохотно ответил он, – Именно там я... осознал себя.

– Ты хочешь сказать – пришел в себя?

– Нет, именно осознал. До того момента я был полуразумен, не понимал кто я и где нахожусь. Но... постепенно разум восторжествовал.

– Значит, туда и направимся.

– Я бы предпочел начать с Брюсселя, – проворчал Григорий, – Все-таки более известная территория, там мы знаем, чего ожидать, а чего опасаться. А этот самый Пари... О нем я ничего не могу сказать.

– Большой город, – тихо проговорил Доусон, – Очень большой. Громадный. Да простят меня Республиканцы, но в Пруссии я не встречал подобного размаха.

– Получается, Дикие Земли не такие уж и дикие, – удивился я.

– Так оно и есть, – неохотно подтвердил Химик, – Хотя Республиканская пропаганда старательно пытается убедить в обратном. Но, кстати, сама Пруссия никогда не чуралась торговать с так называемыми "варварами". Слишком хороши их товары и цены, а упускать выгоду из-за политических соображений никто не намерен.

– Но как же набегі? Не просто так Стена построена! – возмутился я, – Разве цивилизованные страны станут постоянно искать повод для войны?

Григорий демонстративно пожал плечами.

– Ты должен бы понимать, что в Диких Землях нет верховного правителя. Здесь находится множество отдельных княжеств, и каждым руководит свой царек. Что на уме у одного, то другому не указ. Они спят и видят, как бы захватить земли друг и друга, а уж территория Республики считается тут чуть ли землей обетованной.

- Мда... В школе такому не учат.
- Пора бы уже привыкнуть, Глеб. Все не так. На самом деле все не то, чем кажется.
- Ну хорошо, значит, направляемся в Пари.
- Я бы с радостью, – ухмыльнулся Химик, – Но кое-кто, не спросив, ночью изменил курс, и одному Единому известно, где мы теперь находимся.
- Э-э-э... а посмотреть по приборам?
- Каким приборам? Навигация предполагает три вещи, – Григорий принялся загибать пальцы, – Карту, направление и, главное, текущее положение. А оно-то нам и неизвестно.
- Ладно, ладно, уел! – я поднял руки, демонстрируя, что сдаюсь, – Что предлагаешь делать?
- Будем лететь, пока не встретим селение или другой заметный ориентир. Тогда, глядишь, узнаем где мы и сможем выбрать нужное направление.
- Отлично, заодно и продуктами запасемся.
- Химик кивнул, со вздохом поднялся. Приоткрыв дверь, он скрылся в машинном отделении.
- А что вы, собственно, надеетесь найти в Пари? – задумчиво спросил Джон.
- Как что... – опешил я, – Ты сможешь найти то место, где тебя создали. Секта. Мы найдем их логово и расправимся со всей шайкой раз и навсегда.
- Допустим... Хотя я не уверен, что смогу верно сориентироваться. Но даже если и так. С чего бы мне помогать вам?
- Я опешил. Такого поворота не ожидал, мне казалось, что уж Джон точно на нашей стороне.
- Ну... как же. Ты должен! Мы противостояем Тьме, и если не справимся, то Республика падет!
- Получилось немного пафосно и высокопарно, Доусон позволил себе усмехнуться.
- Вы утверждаете, что раньше я был другим человеком, а после смерти меня воскресила некая Секта... Хотя я не вполне понимаю, как такое возможно...
- Дело в некоем древнем артефакте, – неохотно подала голос Анжела, – Ходят легенды... Говорят, раньше, давным-давно, любого могли воскресить. Достаточно лишь иметь образец... Срез кожи или пучок волос.
- Ну, не суть, – продолжил Джон, – Пусть все так, как вы говорите. Но что с того? Я рад уже тому, что живу, хотя мог бы не существовать вовсе. Вы похитили меня, вырвали из привычного уклада. Теперь хотите втравить в разборки. Чего ради мне ввязываться?
- Чтобы победить Тьму! – воскликнул я.
- Тьму... – усмешка Джона стала еще заметнее, – Да нет никакой Тьмы, есть просто ее носители. Подумай сам, Глеб, на той ли стороне сражаешься? Может, сам того не замечая, ты начал бороться против того, что изначально считал правильным?
- Слушай, Ханс... Тьфу ты, Джон! Ты же можешь, умеешь читать в людях. Посмотри, взгляни внимательно в каждого из нас. Что видишь?
- Доусон откинулся на спинку стула, полуприкрыв глаза.
- Григорий – скрытный, фанатичный, – задумчиво начал он, – Анжела – замкнутая, преданная. Глеб – стеснительный и... – Джон пошевелил губами, подбирая слово и неохотно закончил, – ...добрый.
- Вот видишь – добрый! Значит я не могу сражаться за неправо дело.
- Ой, Глеб, ты-то должен понимать, – вздохнул Доусон, – Добро это такая абстрактная штукавина. Для каждого оно свое собственное. То, что ты считаешь добром, для меня, может, будет вовсе не столь уж и добрым, а вовсе даже и злым.
- Ну есть же кое-что общее.

– Так только кажется. Знавал я одного... добряка. Большой бугай, служил матросом у нас, сейчас гниет где-то на рудниках. Очень уж он любил избивать женщин. Найдет, бывало, в порту подходящую красотку, да изметелит до полусмерти. И ведь не со зла делал, совсем нет! Я заглянул в него – и обомлел. Он нес своим жертвам добро, только добро и ничего кроме. Ну... во всяком случае, как он это понимал.

– Неудачный пример. Ничего не доказывает.

– Почему же... как по мне, так вполне логично.

– Но неужели тебе не хочется понять, кто ты? – вмешалась Анжела, – Узнать, кем был раньше, почему умер, где и как воскрес?

Доусон помолчал, задумавшись. Из машинного отсека вернулся Григорий, вопросительный взгляд пробежался по замолчавшей компании. Не дождавшись никаких реплик, он пожал плечами и направился в рубку.

– Я помогу вам, – нарушил, наконец, молчание Джон, – Найти то место... Если смогу. Боюсь, проводник из меня получится аховый. Но... Когда дело дойдет до драки, на меня не рассчитывайте.

– Договорились, – я произнес это с тяжелым сердцем.

Неприятно осознавать, что в команде есть кто-то, в ком уверен не до конца. Хотя, если разобраться, Доусон не в нашей команде, он лишь проводник. Просто трудно считать так, когда привык видеть под его внешностью старого доброго Ханса.

А что, по сути, если задуматься, я знаю об этом Доусоне? Похож на Ханса, внешне – как две капли воды, но что внутри? Так ли уж случайна наша встреча в Каламате? Не может ли он быть шпионом, к примеру, той самой Секты?

Как-никак, его воскресили, но что потом? Просто отпустили или он сбежал? Говорит, что ничего не помнит, но так ли это? Может, его просто отправили в нужное время в нужное место, с вполне определенным заданием.

Куда он приведет нашу команду? Уж не в услужливо ли расставленную ловушку?

Так или иначе, на текущем этапе придется довериться, другого выбора у меня нет. Но держать на постоянном контроле не помешает, приглядывать, контролировать каждый шаг. Ведь... все не то, чем кажется.

После ночного дежурства и сытного завтрака меня знатно разморило, так что я прикорнул прямо в кресле, не утруждая себя лишними перемещениями. Правда, толком отдохнуть не удалось, если не считать за полноценный сон пару часов полудремы.

– Босс, подъем! – на этот раз Григорий говорил вполне серьезно, – На горизонте город.

Я вскочил, кое-как встряхнувшись. Сонливость не желала покидать разум, но усилие воли заставило сосредоточиться. Торопливо пройдя в рубку, я выглянул за борт.

Город, а это был именно город – не деревня и не село – неумолимо приближался. Размеры селения не впечатляли, я насчитал всего с десяток улиц. Зато имелся оборудованный воздушный порт, хотя и пустовавший в данный момент. А это уже о чем-то, да говорит.

– Сделай круг, – попросил я, – Посмотрим, как отреагируют жители.

Химик вздохнул, тронув рычаги управления, "Расторопный" заложил широкий вираж, облетая дома по внушительной дуге. Мы смотрели вниз, я не успел заметить, как в рубке появились Анжела и Доусон.

Город, как город, ничего необычного. Язык не поворачивался назвать его диким. Деревянные, по большей части, дома; кое-где мощеная мостовая; уличные светильники, погашенные по светлому времени; водокачка с одного края и трубы какой-то фабрики с другого; восточнее виднеются возделанные поля, куда едет несколько мехмобилей. Ну, а западная оконечность ограничена, собственно, воздушным портом.

Жители не обратили на дирижабль особого внимания. Нормальная, в общем-то, реакция, если их полеты не являются здесь чем-то экстраординарным. Посматривали взрослые, указывали рукой дети, враждебных намерений никто не проявлял.

Зависнув над портом, мы увидели, как из здания выбежала долговязая фигура. Прикрыв глаза от солнца, парень посмотрел на дирижабль, призывно махнул рукой, указывая на свободную площадку.

– Снижаемся, – скомандовал я, – И садимся. Всем приготовиться.

Григорий плавно повернул регулятор, уменьшая подъемную силу, "Расторопный" начал плавно снижаться, подходя вплотную к земле. По призыву паренька из здания высыпала швартовная команда. Уже через минуту они притянули сброшенные гайдропы, крепя дирижабль к мачте. Люк в гондоле распахнулся, запуская внутрь свежий воздух, а нас уже поджидал заботливо пододвинутый трап.

Григорий спустился первым, его встречал все тот же парень, бывший в порту, по всей видимости, за главного.

– Капитан, – полувопросительно полу-утвердительно козырнул он Химику, – Добро пожаловать в Морей, очень рады вашему прилету!

Он заметно склонился, пожимая руку Григорию, а потом и спускавшемуся следом Джону.

"Очень рад, очень!" – повторял встречающий, не переставая расшаркиваться.

Я сразу заподозрил что-то неладное, а потом и понял причину беспокойства. Уши паренька, чрезмерная худоба и вытянутость выдавали в нем самого настоящего эльфа. Не сказать, чтобы я их много повидал – в Пруссии длинноухие бывали редкими гостями – но различать научился.

Ничего не имею против эльфов, они почти как люди, только живут гора-а-аздо дольше, со всеми вытекающими. Иногда заносчивые, горделивые, величественные, а порой, как, например, этот экземпляр, встречаются другого плана – суетливые, болтливые, вызывающе вычурные.

Он был одет в короткие обтягивающие штанишки и тоненькую распашонку, что еще больше подчеркивало худобу. Смотрелся наряд, на мой взгляд, довольно невзрачно, да и его носитель не внушал приятных эмоций.

Встретившись со мной взглядом, эльф удовлетворился легким кивком – видимо, принял меня за слугу или матроса. Зато, когда увидел спускающуюся Анжелу – лицо ушастого расцвело радостной гримасой, заиграло всеми цветами радуги.

Заклинательница и впрямь преобразилась. Отдохнула, выспалась за ночь, привела в порядок прическу и макияж. Она шагала по ступеням трапа, словно по подиуму, выставляя на всеобщее обозрение идеально стройную фигуру. Ни следа вчерашних морщинок, ни намек на седину, лицо девушки дышало силой и молодостью.

Я хотел было подать Анжеле руку, но наглый эльф опередил, буквально оттеснив меня в сторону. Помогая девушке сойти с трапа, он рассыпался в разнообразных комплиментах, и чем больше ушастый болтал, тем больше меня это злило.

Какого черта он подкатывает к незнакомой девушке прямо вот так – на виду у ее спутников, не стесняясь никого и ничего? Тут что, так принято? А в том, что он именно подкатывает, у меня не было никаких сомнений. Слишком многочисленными оказались комплименты, излишне сладкими похвалы и приветствия.

Когда зарвавшийся эльф перешел от прямой лести к недвусмысленным намекам о возможном совместном времяпровождении, я не выдержал.

Вхуж! – свистнул отброшенный плащ – Шмяк! – мой кулак врезался в челюсть болтуну – Хрусть! – голова эльфа безвольно откинулась, глаза закатились – Бумс! – бесчувственное тело развалилось на асфальте.

Григорий и Джон взирали на происшедшее, не моргнув и глазом, а вот швартовная команда...

Пятеро низкорослых здоровяков двинулись в нашу сторону. Гномы! – сразу узнал я – и точно, даже мне, не отличавшемуся великим ростом, эти работяги доходили едва до подбородка. Зато в ширину каждый мог поспорить с двумя людьми или тремя эльфами. Вот про кого говорят – поперек себя шире.

Все, как один, широкоплечие, с мощными узловатыми руками, в рабочих спецовках и с внушительными бородами. В руках гномов, как по волшебству, возникли пулевики, да какие! – каждый размером с мою руку, а в дуло легко влезло бы среднее куриное яйцо.

– Эт че тут? – спросил идущий первым гном, кивая на поверженного эльфа.

– Этот... э-э-э... паренек неуважительно обратился к... э-э-э... – я кинул быстрый взгляд на Анжелу, – К моей женщине.

Заклинательница, не сказав ни слова, подошла и демонстративно взяла меня под руку.

– А! Вон че! – махнул ручищей гном, – Говорил я, не доведет длинный язык до добра.

Пулевики разом исчезли из рук работяг, да и они сами моментально потеряли к нам интерес. Лишь один, тот что начал разговор, подошел ближе, осматривая лежащее тело. Без всякого почтения пнул носком сапога, вызвав из бесчувственного эльфа жалобный стон.

– Живой, стал быть, – констатировал гном, – Но как очнется – писку не оберешься. Так что вы уж лучше сразу тащите его к тану, заодно и доложите: кто, откуда и куда.

– К тану? – уточнил я.

– Ну... голова наш – тан.

– А! Мэр города?

– В ваших краях может и мэр, а у нас зовется тан. Тан Скидбор – во мужик! – гном показал поднятый вверх большой палец, – А пошли, я вместе с вами схожу, чтобы вы, стал быть, не потерялся!

Тут же, не дожидаясь согласия, он, как пушинку, закинул эльфа на плечо и размашистыми шагами затопал прочь. Проходя мимо соплеменников, кивнул на дирижабль.

– Заправить! Обслужить! Готовить к вылету! – он окинул взглядом нашу компанию, – Загрузить провизии на... – что-то прикинул в уме и закончил, – На неделю.

Гномы закивали, я шагал за начальником, Анжела продолжала держать меня под руку, Григорий и Джон замыкали шествие.

– Приятно иметь с вами дело, – улыбнулся я.

– Дык! – согласно ответил гном, важно вышагивая впереди.

Его носки при этом выносились далеко в стороны, борода топорщилась, плечи ходили ходуном от горделивой походки. Весь он вызывал у меня уважение, можно сказать даже почтение, своей непосредственностью, видимой силой и мужественностью.

Путь к резиденции тана не занял много времени, она находилась почти в центре, на пересечении двух главных улиц. Жители городка поглядывали на процессию с интересом, но в открытую не пялились, никто не приставал с расспросами.

Встречались нам представители разных рас – и эльфы, и гномы, и орки, но больше всего, конечно, было людей. Все-таки город был именно людским, остальные оставались гостями, хоть, возможно, и желанными.

Жилище тана ничем не отличалось от соседних домов – такой же крепко поставленный сруб, покрытый сверху для красоты деревянной плиткой. Выделялась резиденция разве что большим гербом, выгравированным над входом. Искусная резьба изображала морду оскалившегося медведя, рычащего на каждого, кто входит внутрь.

Гном постучал, отчего стена заходила ходуном, а потом, ничтоже сумняшеся, распахнул дверь и бесцеремонно ввалился внутрь. Нашей компании не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

Тан, к добру ли иль к худу, оказался человеком, да еще каким! Рослый, широкоплечий, с открытым лицом и прямым взглядом. Седые волосы выдавали немалый возраст, но ни в осанке, ни в суровом взгляде не прослеживалось и следа старческой немощи. Мужчина, достигнувший расцвета своей мощи и не собирающийся идти к спаду. Сразу было видно, что подчиненных он держит в узде и, коли что не так, может не только убеждать словом, но и на деле показать, кто тут главный.

– Скидбор! – с ходу начал провожатый, небрежно сбросив ношу на пол, – Тут эта! Эльф наш, значит, Тандалин, тудыть его! Довыё... – он бросил взгляд на Анжелу, – Я хотел сказать допизд... – гном хлопнул себя по губам и надолго задумался, – В общем, получил по заслугам!

Тан внимательно оглядел вошедших, не удостоив раскинувшегося эльфа вниманием.

– Спасибо, Грор, – рычащий голос заставил меня вздрогнуть, – Ты ступай. Тут уж я разберусь.

Гном вежливо поклонился и вышел, Скидбор уселся на высокий стул, брови грозно нахмурились, задумчиво заходили желваки.

– Морей – свободный город, – медленно, чуть ли не на распев проговорил он, – Мы не признаем ничьей власти, кроме собственной и не чтим чужим законов. Здесь закон один – справедливость. А по справедливости не годится притеснять никакую расу, даже эльфов.

Он кивнул на тело, все еще не подающее признаков жизни.

– Я, собственно, ничего не имею против эльфов, – спокойно ответил я, – Даже наоборот, только за. Но этот...

– Тандалин, – подсказал тан.

– Ага, Тандалин, тудыть его, – продолжил я, подражая гному, – Приставал к моей женщине! Такого не стерпит ни один мужчина! И коли уж город свободный, то и я в своем праве.

Скидбор размеренно покивал.

– Так, все так, – согласился он, – Однако же никому не позволено бить горожан без всякого надзора! На первый раз, так уж и быть, прощается. Но больше чтоб такого не было, а то во!

Он показал сжатый кулак, размером почти с мою голову. Мне стало как-то не по себе. Анжела повела бровью и в комнате немного похолодало. Тан удивленно взглянул на девушку и громко хмыкнул.

– Я буду очень стараться, – тихо подтвердил я, – Не хотелось бы доставлять беспокойство.

– А это ты сейчас будешь ему рассказывать.

Скидбор взял со стола ковш и, размахнувшись, выплеснул содержимое на эльфа. Раздался визг, писк, тонкое тело подскочило на добрый метр, эльф затравленно заозирался, забившись в угол. Увидев тана, он тут же прыгнул к нему и истошно заголосил, тыкая пальцем в мою сторону. Глава города терпеливо слушал, лишь изредка позволяя себе недовольно поморщиться. Наконец поток жалоб начал иссякать и тан резко прервал болтуна.

– Еще повезло, что за тебя не взялась девушка, – шутливо покачал головой Скидбор, хотя глаза его смотрели очень серьезно, – Разве ты не заметил, что то заклинательница, да еще не из последних!? Гляди, превратит в лягушку и не поморщится.

Эльф с испугом глянул на Анжелу, а она слегка прищелкнула языком. Порыв ветра пронесся по комнате, худосочный бедолага заскользил подошвами по полу, раздался испуганный вскрик – его буквально вымело за порог. Дверь захлопнулась, а обратно он заходить не торопился.

– А что? Так оно и лучше! – захохотал тан, пришедший неожиданно в хорошее расположение духа.

Видимо, долгие споры с наглым эльфом прельщали правителя не больше, чем меня. Он сильно хлопнул себя по бедрам, с довольным видом глядя на Анжелу.

– С этим решено, – довольно кивнул Скидбор, – А теперь, будьте любезны, поведайте мне, откуда вы и куда направляетесь. Не бойтесь, мы принимаем любых гостей, не разбирая кто прав, кто виноват.

– Мы... из Республики, – осторожно начал я.

– Которой? Пруссии что ли?

– А что, есть и другие?

– Дык... Раньше была Бургундская, Польская, теперь еще Мадридская добавилась. А может и еще где есть, за всеми и не уследишь.

– Из Пруссии, – поправился я, удивляясь неведомому разнообразию республик.

– Добро, Прусские торговцы к нам частенько залетают, – одобрительно кивнул тан, – А вы с чем пожаловали? И куда путь держите?

– Летим мы в Пари, – вежливо ответил я, – А зачем – ты уж прости, уважаемый, но то лишь наше дело.

– Да будет так. В Пари, так в Пари, – нахмурился Скидбор, – Дела ваши меня и впрямь не касаются, хотя и любопытно. Ну да ладно, ступайте! Не доставляйте неприятностей и в Морее вам будут всегда рады.

Выйдя из резиденции тана, некоторое время потратили на поиск постоянного двора. Нашелся он на окраине города, так что пришлось проблуждать, да и то, без помощи прохожих вряд ли бы обнаружили искомое. Вот только войти так просто не удалось.

Дорогу внутрь трактира преградил предельно вежливый, но в тоже время непреклонный, вышибала.

– Извините за неудобства, досточтимые, сегодня в нашем постоянном дворе проходит лекция легендарного профессора Успенского. Вход платный, пять франков с каждого, – он указал на красивый плакат, приклеенный на стене таверны.

Мы с Григорием переглянулись, он полез за кошельком.

– Надеюсь, Республиканские марки принимаете? – пробурчал Химик.

– Марки? Принимаем, почему же нет.

Пока Григорий рассчитывался за вход, я отошел, рассматривая великолепно выполненный постер.

Красочные надписи дублировались на нескольких языках, из которых я мог прочитать только прусский вариант. Рядом виднелась эльфийская вязь и колонки стройных гномьих рун.

"Происхождение всего и вся, или почему мир такой, каким мы его знаем", – гласил заголовок.

Чуть ниже красовалась карта континента, причем, несмотря на всю ее аляповатость и цветастость, расположение стран и очертания береговой линии передавались вполне точно. С преувеличенными гипертрофированными размерами передавались лишь отдельные диковины: я увидел вычурную линию, символизирующий Великую Стену, посреди которой высилась фигура Бастиона; основные крупные города Республики на своих местах: Берлин, Гамбург, даже Данциг. В Балтийском море заметил остров Борнхольм с нарисованной фигуркой волка; далеко на востоке – Карафутто и стилизованный монстр кайдзю, вылезавший из морских пучин.

– Ты идешь, Глеб? – окликнула Анжела из дверей трактира.

– Да-да, сейчас! – отмахнулся я, – Догоню, не беспокойся.

Гораздо интереснее на рисунке было то, о чем я и понятия не имел – изображение Диких Земель.

Значительную часть карты занимал тщательно отрисованный широко раскинувшийся город, подпись гласила: "Пари". Неужели он и впрямь столь огромный? Южнее находилось нечто, напоминающее огромное кладбище, "Мертвые Пустоши" – информировала карта. Там,

где кончались пустоши, чуть восточнее, ширился круг, напоминающий гигантский алтарь, название простое – "Монумент".

– Интересуетесь? – низкий голос оторвал меня от созерцания плаката.

Я обернулся, разглядывая коренастого гнома, упершего руки в бока. Как и другие его собратья, был он неизмеримо широк, не отличаясь при этом высотой. Потертый кожаный плащ и штаны, стоптанные ботинки – все выдавало в нем путешественника. Широкая борода лопатой гордо топорщилась впереди, круглые щеки расплылись в дружелюбной улыбке, глубоко посаженные глаза смотрели с некоей хитрецой.

– Сходите обязательно, старикан шпарит интересно, аж жуть! – посоветовал гном, – Хоть порой и чушь несет. Зато как складно, слово к слову. Смотрите, одних научных степеней сколько!

Он ткнул толстым пальцем в часть плаката под картой, где я действительно заметил длинный список, перечисляющий всевозможные научные регалии.

– А вы, стало быть...

– О! Простите мою невоспитанность. Мрор, сын Трора, шофер первого класса! – он гордо выпятил грудь и похлопал себя по очкам, висящим на резинке поверх головы.

Только теперь я обратил внимание на ладони, прикрытые перчатками без пальцев и на очки, так похожие на старомодные принадлежности летчиков. И это слово "шофер", вместо современного "водитель". В устах гнома оно прозвучало, как неизмеримое достижение.

Я представился, мы вмиг разговорились, через минуту Мрор уже тащил меня за угол, показывать свою "малышку", как он выразился.

– Во! – с неприкрытым восхищением проговорил он, – Настоящий дилижанс! Высшей степени комфортабельности!

Я глядел на "малышку", челюсть невольно отвалилась от удивления – таких агрегатов никогда ранее не встречал.

Длиной дилижанс был со средний омнибус; ширина едва ли позволила ездить по Прусским улочкам; могучие колеса, высотой мне до груди, расположились на внушительных амортизаторах; стальной корпус, покрашенный в ослепительно белый цвет и тщательно, до блеска, отмытый, мог бы соперничать по прочности с легкой броней. Чтобы подняться в кабину, приходилось преодолевать раскладывающуюся лесенку; пассажирская часть располагалась отдельно – сквозь затемненное стекло я разглядел мягкие диваны и откидной столик.

– Впечатляет! – с чувством сказал я, рассматривая дилижанс.

Гном стоял, довольно жмурясь, как кот на солнце, очень уж ему imponировало мое искреннее восхищение.

– Трехосная рама, – довольно прокомментировал он, – Независимая подвеска, трехсот-сильный агрегат, энергонный реактор а-класса!

Выяснилось, что на дилижансе путешествует тот самый профессор Успенский, лекцию которого Мрор посоветовал посетить. Оказывается, ученый отправился в целое турне с целью просвещения населения. Ну и понадеявшись подзаработать, не без этого. А гномий дилижанс, как заверил меня шофер, самый надежный и удобный транспорт в Диких Землях.

Слушать гнома оказалось приятно, мы как-то сразу нашли общий язык. Мрор с одинаковой степенностью и авторитетностью мог обсуждать особенности различных механических наворотов и тонкости вкуса темных сортов пива. Заболтавшись, мы медленно вернулись ко входу в трактир.

– Пора мне, Мрор, а то еще на лекцию опоздаю, – я приятельски хлопнул гнома по плечу.

Но войти внутрь мне не удалось и на этот раз.

– Стоять, мразь! – тонкий окрик остановил уверенный шаг.

У дверей постоялого двора в пафосной позе ожидал Тандалин, за спиной горделиво выселись еще двое эльфов, одетых, правда, чуть попроще.

– Вызываю тебя на дуэль, подонок! – напыщенно провозгласил длинноухий, взмахнув тонким клинком, – Ты ответишь за оскорбление!

Я мельком огляделся – вышибала таверны и ухом не повел, видать тут такое в порядке вещей, а гном стоял, подбоченясь, на губах играла нехорошая усмешка.

– Дуэль значит, – хмыкнул я, – А дружков привел для верности?

– Они не будут вмешиваться, – заявил Тандалин, без особой, впрочем, уверенности.

– Слышь, ушастые! – гаркнул Мрор, смачно сплюнув, – Назад шагнули! Двое дерутся, третий не лезь!

В руках гнома уже красовался громадный пулевик, больше похожий на ручную пушку. Приятели Тандалина переглянулись и нехотя отступили.

– А ничего, что у меня из холодного оружия только перочинный нож? – резонно заметил я, подходя ближе.

– Тем хуже для тебя! – надменно ответил эльф, выставив свой клинок напоказ.

Я быстро прыгнул вперед, разом преодолев разделявшее нас расстояние, мои руки сомкнулись на тонких ладонях Тандалина. Эльф судорожно дернулся, попытавшись вырваться, но я держал крепко.

– Хуже для меня... – повторил я.

Выгнувшись, откинулся назад, шея напряглась, голова резко боднула, лоб смачно впечатался в переносицу ушастого. Эльф жалко вскрикнул и растянулся на земле, клинок покатился прочь, ручонки метнулись к сломанному носу, поток крови залил смазливое лицо.

Дружбаны эльфа дернулись было в мою сторону, но Мрор уже стоял рядом, оружие в его руках как бы невзначай смотрело дулом на длинноухих. Я, не торопясь, вытащил пулевик, стрельнув злым взглядом по противникам, они невольно попятились.

– Значит так, – внушительно проговорил я, – Мандарин... или как там тебя! Уши наостри и запоминай! – я ткнул дулом в высокий лоб эльфа, – Попадешься еще раз – пристрелю, как бешеную псину!

Вряд ли эльф что-то услышал, он был слишком занят своим разбитым в кровь личиком. Я небрежно перешагнул через щуплое тело, отсалютовал пулевиком гному, вкладывая оружие в кобуру.

– Бывай, Мрор! Приятно познакомиться!

– Дык! – многозначительно хмыкнул гном, широко улыбаясь.

Повернувшись, он важно зашагал к дилижансу, а я, не обращая больше внимания на ушастых, попал, наконец-то, внутрь трактира.

Там уже заждались. Стоило усесться на свое место, как Анжела зыркнула недоуменно – где мол, пропал? Я пожал плечами – ничего, мол, важного не случилось. Обменявшись, таким образом, невербальными приветями, мы дружно принялись за еду.

Нельзя сказать, что стол ломился от яств, но присутствовало то, чего я был лишен уже очень долгое время – вкусный, наваристый мясной суп, со свежеиспеченным, еще теплым от печи, хлебом. Я накинусь на тарелку, да так, что за ушами захрустело. Поэтому не сразу обратил внимание, когда неподалеку, на импровизированной сцене, появился прилично одетый человек.

– Добрый вечер! – приятный голос без всяких усилителей разнесся до самых уголков зала, – Меня зовут Дмитрий Успенский. Кхм... профессор Успенский. Сегодня, я проведу краткий экскурс по истории нашего мира. Ну, или одного из ее вариантов.

Это был невысокий, худой человек приятной наружности, совсем еще не старый, я бы сказал – достигнувший возраста мудрости. Он заговорил, и сразу завладел всеобщим вниманием, настолько интересно и складно излагал свои мысли. Я слушал, не забывая, впрочем, и про остывающий супчик, коего налил уже вторую тарелку.

После неизбежного представления, профессор резко закруглил вступление и перешел, собственно, к сути лекции.

– У всех рас, – увлеченно заговорил он, – Существуют собственные легенды о сотворении мира. Гномы верят, что все сущее выковали в Великих Кузнях; эльфы твердят, что они были первыми, кто появился под небом; демоны чтут Преисподнюю, извергнувшую из себя жизнь. Поверьте, даже у вампиров и оборотней есть свои, не похожие ни на что другое, сказания. Что же мы можем вынести интересного из мифов разных народов?...

В этот момент на наш стол принесли мясные блюда, на некоторое время я выключился из лекции, отдав все внимание гастрономическим нуждам. Лишь десяток минут спустя, кое-как насытившись, я вновь прислушался к речам профессора.

– ... таким образом, каждая раса стремится доказать собственное превосходство, первенство в мире и явную богоизбранность, – Успенский обвел взглядом притихшую аудиторию, будто ища несогласных, – Но что, если мы обратимся к фактам?

В полной тишине профессор взял с ближайшего столика графин воды, наполнил стакан и выпил. После чего непринужденно продолжил речь.

– Факт номер один, – Успенский продемонстрировал ладонь с загнутым пальцем, – Нигде, ни в одном уголке света не удалось обнаружить *нечеловеческие* останки возрастом более двух тысячелетий. Тут можно долго спорить, но правда от этого не поменяется – любые археологические раскопки, где бы они не велись, находят древние орудия и кости, но... только *людские*! Изделия и останки представителей других рас появляются в значительно более близких к нам временах.

По залу пронесся недовольный гул, источником которого стали представителя гномов и эльфов, имеющиеся тут в достатке. Успенский не обратил на недовольство толпы никакого внимания.

– Второй факт! – бодро выпалил он, – Многие расы, представителей коих я могу наблюдать и здесь, – профессор вежливо кивнул сидящему неподалеку эльфу, – Мнят себя бессмертными. Но! Если это правда, и, поскольку эльфийские легенды утверждают их первородность, логично спросить – где же эльфы возрастом по несколько тысячелетий? Неужели их нет? Ни одного?

Длинноухий, к которому обращался Успенский, что-то ответил, но слов было не разобрать. Профессор, не останавливаясь, вещал дальше.

– Не утруждайте себя, любезные, я изучал вопрос. Ни среди эльфов, ни среди демонов, ни любых других рас, нет индивида с личным возрастом больше... – он задумчиво покрутил пальцами, – ... скажем, пятиста лет. А это уже наводит на определенные мысли.

Тут я бы мог с ним поспорить – доводилось лично наблюдать тысячелетнего вервольфа – но зачем? Пусть себе верит, во что хочет.

– Я знаю эльфа возрастом две тысячи лет! – выпалил тонкий ушастик, откуда-то с галерки.

– Да ну? – удивился Успенский, – Что ж, будьте добры, покажите нам его!

– Ну... Не я лично знаю... – смешался крикун, – У брата есть друг, отец приятеля которого...

Конец фразы потонул в общем смехе. Потешались даже другие эльфы, не щадя самолюбие выскочки.

– Так и вы тоже говорите, молодой человек, – как ни в чем не бывало продолжил Успенский, – Вот только истина от этого не поменяется...

Он прошелся по сцене и резко остановился. Все тут же замолчали, настолько профессор завладел всеобщим вниманием.

– Наконец, третий факт, – продекламировал он, – И, прошу вас, примите его без излишнего ретроградства! Как бы не хотелось с этим не соглашаться уважаемым гномам и эльфам,

но, так или иначе, на первых ролях в нашем мире – люди. Споры нет, никто не сравнится с горными мастерами в механике; эльфийские менестрели и искусники – неподражаемы; дриады могут вытворять с растениями такое, что хумансам и не снилось. Но! Люди, лишь люди создают империи, царства, республики, княжества. Только мы строим города, созидаем страны, завоевываем континенты. Как бы вам не было это неприятно, но... другие расы – лишь подмастерья в великой империи людей.

Я аж поперхнулся, а что началось в таверне! Крики недовольных перекрывались людскими аплодисментами, стоял ужасный гвалт, местами словесные разборки переросли в миниатюрные потасовки. Прошло добрых минут десять, пока в зале удалось восстановить относительный порядок.

За это время я успел расправиться с вторым блюдом, нам подали десерт. Но, когда профессор начал говорить, я невольно отставил прочь тарелку со сладостями. Очень уж хотелось узнать, что еще поведает Успенский.

– Друзья, успокойтесь! – призвал профессор, – Все доказательства я приведу в нужное время. Вы должны понять, что это не домыслы, не большие фантазии. Моими устами говорит наука!

Слушатели, наконец, уgomонились, Успенский уверенно продолжал лекцию.

– Следует считать совершенно очевидным, что прежде, в далекие времена, цивилизация людей находилась в гораздо более развитом состоянии, чем сейчас. Все то, что мы почитаем золотым веком – не более, чем состояние упадка гораздо более могущественной и продвинутой цивилизации. Но... Эта цивилизация, этот народ совершил ошибку. Что это было? Можно гадать. Ясно одно – произошла глобальная катастрофа, в результате которой люди оказались отброшены далеко назад, а в их мир каким-то образом проникли остальные расы. Об этом говорят нам многие находки. Везде можно найти следы былого величия и явные указания на страшную трагедию, почитавшуюся за конец света.

Успенский многозначительно помолчал, давая вновь разволновавшейся толпе успокоиться.

– Раньше... – мягко продолжил он, – Были совсем другие страны, другие города. Даже континенты поменяли очертания! Империя людей канула в лету, о былом могуществе теперь можно только мечтать...

Далее, профессор принялся рассказывать об археологических раскопках, об исследованиях древних рукописей, о своих собственных изысканиях.

Для меня дальнейшее было уже не столь занимательно, я слушал в пол уха. Но вот что поразило – насколько хорошо Успенский разбирался в географии и истории Диких Земель. Что и говорить, такой проводник или просто спутник дорогого стоит! Жаль, конечно, что нам не по пути.

Лекция закончилась глубоким вечером, я прослушал целиком, хоть концовка уже и навела сонливость. Профессор церемонно раскланялся, прощаясь с публикой, в награду прозвучали жидкие аплодисменты, свою долю в них вложил и я.

– Интересная теория, – заметил Григорий, поднимаясь, – Но пора перейти к практике. Когда вылетаем, Босс?

– Завтра утром, – на секунду задумавшись, ответил я, – Рано утром.

– Понял. В таком случае, я на "Расторопный". Прослежу за порядком, расплачусь с гномами, да и заночую там.

– Я, пожалуй, пройду, – заметил Джон, – С рассветом буду на дирижабле.

– Только не вздумай убежать, – устало попросил я.

Ответом послужила понимающая улыбка и прощальный взмах руки.

Когда мы остались одни, я кинул взгляд на Анжелу.

– Ну, а мы что будем делать?

– Спать, – невинно ответила она, – Я заказала комнату.

Только когда гостиничная дверь захлопнулась, я вдруг осознал, что номер-то один на двоих, в единственной комнате стоит одна единешенька двуспальная кровать. Анжела подошла совсем близко, ее голова почти касалась моего плеча.

– А?... – начал было я.

– Должна же я отблагодарить... моего мужчину, – смущено прервала девушка.

Ее лицо залила краска, но руки уверенно обхватили меня за шею. Я оказался не готов к такой атаке, можно сказать сдался без боя.

– Я хочу этого... – мягко сказала Анжела, – И я хочу... чтобы ты снял амулет.

– Но...

Несмелые губы заставили замолчать; поцелуй бросил в жар; девичьи ладошки обняли, полезли под рубашку; тонкие пальцы нащупали защелку амулета, разом стянув его с шеи. А после... Анжела потеряла остатки разума, со звериной яростью набросившись на меня.

Все-таки незабываемая вещь – ночь с архимагом, да еще когда у нее полностью сорвало крышу. Тело Анжелы то становилось куском льда, то обжигало огнем. По комнате метался ветер, волосы заклинательницы развивались, в какой-то момент наши тела левитировали над постелью, а потом и кровать поднялась в воздух. Я всерьез опасался, как бы девушка в порыве страсти что-нибудь не спалила – например, меня или комнату целиком.

И все же – мне было очень приятно. Ночь не кончалась, как и силы заклинательницы. Видимо, магия придала Анжеле невиданную выносливость, во всяком случае, я потерял счет ее оргазмам, а девушка все не сдавалась, ей было мало.

Прошло несколько часов, пока она, наконец, обессиленно растянулась на растерзанной постели и, тихонько посапывая, уснула. Я с трудом сполз с кровати, едва достало сил на то, чтобы стоять на ногах.

Почему? Зачем она так сделала? Я ничего не понимал. Прошел к столу, рука нашарила уваровитовый амулет, я сразу же нацепил его на шею. Рядышком лежал, аккуратно сложенный, кулон Анжелы. Ладонь машинально подняла цепочку, я принялся разглядывать украшение.

Действительно, раньше никогда не видел у нее такого кулона, ну и что с того? Мало ли может быть украшений у стильной девушки? Кулон крутился в ладонях, пальцы бережно ощупывали мастерски выполненные грани.

Вдруг, один из уголков украшения слабо щелкнул, драгоценный камень сдвинулся в сторону, открывая крошечное потайное хранилище. Изо всех сил напрягая зрение, я вгляделся внутрь, стараясь в тусклом отсвете уличного фонаря рассмотреть содержимое.

Некоторое время я не мог понять, что же вижу. А когда осознал... Волна дрожи прошла по телу; сердце кольнуло болью, ревностью; на голову будто ушат ледяной воды вылили. Стало очень горько и тоскливо.

Я защелкнул кулон, бережно вернув его на место. Двигаясь, словно во сне, принялся одеваться.

Как там сказал Джон? Замкнутая. Преданная. Вот только кому она предана? Мне ли? Черная тень сомнения коснулась души.

Одевшись, я вышел из гостиницы, ноги сами понесли к дирижаблю. Горечь душила, в голове творился полнейший сумбур.

"Любого можно воскресить, – говорила она, – Достаточно... иметь пучок волос..."

Печальная ухмылка застыла на моей физиономии. Потому что там, в кулоне, я видел именно пучок волос. А вернее... Готов поклясться, это был клочок черной волчьей шерсти!

Она надеется воскресить Вольфа? Неужели... Неужто только ради этого она... Дала именно такие показания на суде. Чтобы полететь на дирижабле, а не остаться в Республике... И сегодняшняя ночь... Только ради этого?

Я сам не заметил, как оказался у трапа "Расторопного". Рядом не было ни души, я поднялся внутрь, осматриваясь. В рубке – никого, кают-компания пустая. Двери личных кают распахнуты настежь. Приглушенный голос послышался из-за не до конца прикрытой двери машинного отделения.

Григорий? Все еще не спит?

Я тихо прошел к переборке, взгляд аккуратно скользнул в щель.

Химик стоял у того самого загадочного шкафа, руки танцевали на тумблерах, он тихонько бормотал под нос. Я хотел было зайти и спросить, чем он занят... Но не стал. Потому что вспомнил.

Внезапное озарение осветило разум; память, наконец, подсказала, где я уже видел подобный агрегат.

"Радиограф! – так мне когда-то представил это чудо техники майор Колыт, – Новомодная штучка! Передает речь прямо по воздуху."

Правда, помнится, радиус действия тогда был ограничен. Но... кто знает, как далеко шагнула Прусская наука?

Я тихонечко, не издав ни звука, попятился. Спустился по трапу, прикрыв за собой дверь. Ноги беспомощно согнулись, с тяжелым вздохом я присел на крайнюю ступеньку.

Значит, Григорий передает донесения. Интересно, кому? Врагам или друзьям? И вообще, остались ли у меня еще друзья? Пошел ли хоть кто-то со мной из дружбы, а не потому, что надеется чего-то поиметь?

Далеко на востоке небо принялось краснеть, солнце стрельнуло первым лучиком, а я все сидел, пригорюнившись.

– Глеб? Ты чего тут? – Доусон подошел незаметно, внимательно всмотрелся в мою унылую физиономию, – Грустишь?

Я сделал усилие, вымученная улыбка скривила губы.

– Ничего... Так... Задумался... – пробормотал я, – Поднимайся, буди Григория. Готовьте дирижабль, пока схожу за Анжелой.

Джон проводил меня подозрительным взглядом, лишь потом взявшись за выполнение приказа. Я шел той же дорогой, оказавшись у постоянного двора через считанные минуты.

У входа стоял, блистая белизной, гномий дилижанс. Двигатель чуть слышно урчал, в приотпущенном окне кабины торчала голова Мрора. Он заметил меня, дружески махнул рукой.

– Отбываем, стал быть, – пояснил гном, – Вечером лекция уже в Сурдоне.

Махнув гному рукой, я проник в гостиницу. Ступал осторожно, стараясь не шуметь, скрипучие ступени не издали ни звука. Дойдя до второго этажа, я внезапно заметил серую тень, крадущуюся к нашей с Анжелой комнате.

Тандалин, облаченный в темный плащ, практически растворился в полумраке коридора. Его выдавал лишь блеск стали, в руке эльф держал зловещего вида кинжал. Ушастый стоял у двери, спиной ко мне, напряженно прислушиваясь.

"А ведь прирезал бы во сне, – подумал я, – Если бы застал меня спящим..."

Ладонь эльфа потянулась к дверной ручке, тело напряглось, я незаметно подкрался сзади.

– Бу! – громким шепотом гаркнул я.

Эльф подскочил, как ужаленный, громко взвизгнув, но я уже ухватил неудачника за шкуру. Контролируя вооруженную конечность, плавно оттащил брыкающегося ушастика в дальний конец коридора.

– Ну что, Пенталгин, я предупреждал... – зловеще прошептал я.

Бедняга задержался, завертелся ужом. Был он жилистый, ловкий, но против грубой силы сопротивляться трудно. Я перехватил горло локтем и слегка придушил несостоявшегося убийцу, чтобы поменьше трепыхался. Некоторое время он еще брыкался, потом затих. Я понемногу ослабил хватку.

– Эх, молодые люди, – услышал я у себя за спиной, – Шли бы вы в номер, ребята, там ведь гораздо сподручнее!

Из открывшейся двери крайней комнаты показался одетый по-походному профессор Успенский. Смотрел он не то чтобы неодобрительно, но... с легким осуждением.

– Да мы, собственно, не...

– Ладно, чего уж, – отмахнулся профессор, – Молодо-зелено...

В этот момент затаившийся Тандалин рванулся. Я не ожидал от эльфа подобной прыти, руки машинально дернули ушастика к себе. Дальнейшее произошло совершенно случайно, без злого умысла, по крайней мере с моей стороны.

Эльф, успев вывернуться из захвата, завалился вниз, его рука изогнулась под странным углом, клинок сам собой вошел в тело ушастого, прямо в район солнечного сплетения. Хриплый стон вырвался из глотки Тандалина, он осел на пол, тело пару раз дернулось и затихло. Я стоял столбом, ошарашенно глядя на труп ушастика.

– Т-а-а-а-а-а-к... – протянул Успенский, – Ну это уже ни в какие... Пожалуй, я вынужден позвать стражу.

Но прежде чем профессор успел что-нибудь предпринять, я очутился подле него, кулак с размаха вошел в живот человека. Его согнуло пополам, скукожило, воздух резко вышел из легких. С тяжелым стоном Успенский завалился внутрь комнаты.

Я лихорадочно соображал, и никакой из вариантов мне не нравился. Нужно действовать, срочно! Иначе... город проснетя, и все это может закончиться очень плохо.

Я затащил ушастое тело в комнату, прикрыл дверь. Пока профессор кочеряжился на полу, я метался в поисках веревки. Удалось найти только бельевую, но для моих целей хватило и ее. Быстро и, по возможности, аккуратно, я спеленал Успенского. Подождав, пока человек отдышался, сунул ему в рот импровизированный кляп.

Шляпа и плащ профессора легко повисли на худой фигуре эльфа. Я подхватил Тандалина под мышки, тело ушастика с трудом приняло якобы стоячее положение, вместе, в обнимку, мы вывалились из номера. Ни в коридоре, ни на первом этаже не было ни души – все-таки время для самых сладких снов. Только дойдя до входной двери, я сделал глубокий вдох.

– Ну так вот, профессор! – громко заговорил я, вытаскивая эльфа из двери, – Спасибо за ваши разъяснения! Очень, очень познавательно! Надеюсь, еще увидимся! Вы уж, пожалуйста, больше так не напивайтесь!

Произнося тираду, я не стоял на месте. Приоткрыв дверь дилижанса, запихнул туда липового профессора, глаза неотрывно следили за кабиной, а руки сами утрамбовывали непослушное тело эльфа в сиденье.

Гном выглянул из кабины, посмотрел на меня с легким недоумением. Я захлопнул дверцу, кивнул на мнимого Успенского и пожал плечами – случается, мол, и такое!

– Удачи Мрор! Бывай!

Гном важно кивнул, шоферские очки опустились на глаза, голова скрылась в окне. Дилижанс вздрогнул, загудел, колеса сдвинулись, механизм плавно принялся набирать скорость. Я постоял, провожая разгоняющийся мехмобиль взглядом.

Взлетев по лестнице, я вломился в дверь. Анжела открыла почти сразу, девушка уже оделась и собралась. Не обращая внимания на удивленный взгляд, я метнулся в конец коридора, выволакивая связанного профессора.

– Можешь его вырубить? – зашептал я, – И сделать невидимым?

Брови Анжелы взлетели вверх, глаза округлились от изумления, но, надо отдать должное, руки действовали независимо от эмоций. Несколько заклинаний обрушились на Успенского, глаза мужчины закатились, тело обвисло, покрывшись словно бы темным саваном. И, кстати, стало гораздо меньше весить.

– Быстро! Уходим! – я взвалил профессора на плечо, как обычный куль.

Скорым шагом мы покинули постоянный двор и направились напрямик к дирижаблю.

– Смотрю, ты даром времени не терял... – раздраженно констатировала девушка, шагая за мной по пятам.

Я понимал, что ей очень хочется добавить гораздо больше. Как минимум, расспросить, что же, черт побери, происходит. Но Анжела сдерживалась. Пока...

Запахнув тело в дирижабль, я бросился отвязывать швартовные тросы. Справившись, отпихнул трап, едва успел забраться внутрь, люк с мягким шипением встал на место.

– Григорий, взлетаем! Быстро! – крикнул в рубку, но Химик и так уже шуровал рычагами.

Анжела уселась в кресло, недовольно зыря на меня; Доусон налил девушке кофе.

– Причиняешь добро? – поинтересовался Джон, прихлебывая из своего стакана.

Я оттащил тело профессора к дивану, ответив шутнику неприязненным взглядом.

– И пусть никто не уйдет обиженным... – глубокомысленно продолжил Доусон.

– Все не так... – пробормотал я, с натугой затаскивая Успенского на мягкие подушки, – Все совсем не то, чем кажется...

Глава №2. Революция

*Я в пятый раз прихожу получать документ,
У меня все время чего-нибудь нет.
Ксерокопии, справки – накаляются нервы.
Я пришел пораньше, но снова не первый.*

– Нет-нет-нет! Это уже ни в каких ворота не лезет! – яростно возопил профессор Успенский, – Убийства! Избиения! Похищения! И где? Ладно бы на задворках, в глуши, в лесу на худой конец. Так нет же – на виду у всех, в центре, можно сказать, цивилизованного мира!

Я молча выслушал гневную тираду, сочувственно кивая головой. Признаюсь, у профессора имелись веские причины для столь категоричных высказываний, но, в то же самое время, я бы не стал называть крохотный городок посреди Диких Земель центром цивилизации. У нас, в Республике, всех, кто проживает за Великой Стеной, считали никем иными, как варварами. Ну и относились соответственно.

– Послушайте, профессор, я ведь уже объяснил вам, – терпеливо завожу всю ту же песню по десятому кругу, – У меня просто не было выбора!

– Как это? Как это? – Успенский аж подпрыгнул на диване и стал похож при этом на кудахчущую несущку, – Конечно же был! Например – не избивать и не похищать меня! Уж не знаю, что вы не поделили со своим... любовничком, но...

– Да никакой это не любовничек! – вспыхнул я, поглядывая краем глаза на веселящуюся Анжелу, – Глупый эльф пытался меня убить!

– Попрошу! – возмущению ученого не было предела, – Расовая принадлежность не является поводом для дискриминации, ровно как и ваши сексуальные предпочтения! Запомните, молодой человек, и намотайте себе на ус – никогда, я подчеркиваю – никогда! – не стоит доводить сцены ревности до смертоубийства! И тем более втягивать в них других... почтенных мужей. Тоже мне, Отелло доморощенный!

Я устало прикрыл лицо ладонями, руки заметно подрагивали, левый глаз принялся нервно подергиваться. Признаться, я был близок к тому, чтобы открыть люк "Расторопного" и отправить Успенского в свободный полет. Заметив мое состояние, Анжела перестала хихикать, я почувствовал, как в кресло рядом опускается теплое девичье бедро, нежная ладонь сочувственно погладила волосы.

– Спокойно, профессор, – послышался голос Григория, – Вот возьмите, выпейте чая, подкрепитесь. Это совершенно необходимо после столь существенных потрясений.

Ученый с благодарностью принял в руки сосуд с дымящейся жидкостью, второй стакан Химик передал мне. Я печально кивнул, пригубив напиток, по горлу протекла струя расслабляющего огня. Через минуту я растекся по креслу, мышцы будто взяли выходной, мощный релаксант заставил почувствовать себя слабой тряпкой.

– Ммм... интересный вкус, – уже совершенно спокойным тоном проговорил Успенский, – Что за состав? Чувствую следы мандрагоры и гидраргурума, но это ведь далеко не все?

– Да уж, – усмехнулся Химик, – Другие ингредиенты гораздо более редкие и... действенные.

– Вижу, – развеселился профессор, – То-то молодого человека так развезло!

– Глеб? Да... У него, похоже, повышенная чувствительность к некоторым нейротоксинам. Ничего, через пару минут пройдет.

Я расплылся в блаженной неге, не в силах двинуть даже языком. Подумаешь, повышенная чувствительность! Не очень-то и хотелось... Приятная слабость и абсолютное равнодушие заполнили тело, я полностью растворился в общемировой гармонии.

Первым звоночком, нарушившим нирвану, оказался неожиданный укол в желудке. Я поморщился, досадуя на неприятность, мешающую погружению в астрал. Второй укол не заставил себя ждать, я терпеливо снес и его. Вскоре все тело было атаковано чередой болезненных прикосновений, больше всего похожих на укусы пчелы. О расслаблении речь уже не шла, я выгнулся дугой, ища наименее раздражающую позу, а потом с криком вскочил на ноги.

Раз! – и все неприятные ощущения как ветром сдуло. Мышцы налились силой и упругостью, разум очистился от наносных эмоций, я ощущал небывалый подъем и бодрость.

– Очень познавательный эффект, – констатировал пожилой историк, – Не подскажете название поразительного снадобья?

– Да, Химик! – с вызовом поддержал я, – Что это за ядерный коктейль?

Григорий загадочно улыбнулся, старательно нарежая вяленое мясо тонкими ломтиками.

– О! Это экспериментальный состав, – мечтательно ответил он, – Название еще не придумал. Может, "Глебовал" подойдет?

– Или "Глебосон", – поддержала Анжела.

– Не-не-не, – включился в игру Успенский, – Пусть будет по-научному... "Глебус Релаксиус".

– А может, хватит... ставить на мне эксперименты!? – возмутился я, – Я тебе что, мышка подопытная?

– Конечно же нет, Глеб, – сконфузился Григорий, – Конечно, ты не мышка.

Грянул взрыв смеха, невольная улыбка коснулась и моих губ. Вот ведь! А насчет подопытного ничего не сказал... Ладно, главное напряжение на борту спало, по крайней мере никто никого не хочет убить... прямо сейчас. Мирная трапеза, совместное преломление хлеба, есть все-таки что-то в этом допотопном ритуале.

– Давайте так, профессор, – пробубнил я с набитым ртом, – Вы ведь все равно направлялись в Пари, не правда ли? Мы просто доставим вас туда несколько быстрее, за... – я глянул на Григория, – ...за десять часов. Там, если желаете, мы расстанемся без лишних обид и споров.

– Хм... доставите... и заплатите! – Успенский строго посмотрел на меня.

– Заплатим?

– А как же? Из-за вашей выходки я пропущу две лекции в промежуточных пунктах! Кто, по-вашему, возместит убытки? Мне, знаете ли, нужно на что-то жить.

– Мы компенсируем вероятный доход от несостоявшихся выступлений, – подумав, согласился я, – Но... тогда вам придется поделиться знаниями с нами. Провести, так сказать, ликбез в походных условиях.

Профессор тщательно пережевывал пищу, налегая, в основном, на мясные блюда.

– Справедливо... – нехотя согласился он после продолжительных раздумий.

– Отлично! Доедим и начинаем!

Дальнейшая трапеза прошла за малозначительной болтовней. Пожилой ученый успокоился, навеянное большим жизненным опытом умиротворение коснулось его лица. Он больше не сыпал сарказмом, злая ирония ушла из голоса, Успенский, видимо, свыкся с приключившимися неприятностями.

После еды, едва успели убрать со стола, Григорий расстелил карту, профессор бросил на бумагу благосклонный взгляд, взявшись за разъяснения.

– Насколько я понимаю, вас интересует география так называемых Диких Земель... – начал Успенский.

Он рассказывал, Химик слушал очень внимательно, Доусон ушел дежурить в рубку, Анжела практически не следила за повествованием, задумавшись о чем-то своем. Я, как мог,

воспринимал информацию, хотя после бессонной ночи сохранять сосредоточенность становилось все труднее.

Со слов профессора выходило, что территория, известная в Республике как "Дикая", на самом деле не только не является таковой, но и наоборот, представляет из себя чуть ли не образец цивилизованности, населенный исключительно прогрессивной частью человечества.

– Весь север, включая огромный Скандинавский полуостров – крайне безопасные и комфортный для жизни станы, – вещал Успенский, водя пальцем по карте, – Острова, называемые Британскими, заселены слабо, ввиду сурового климата, там в основном обитают отсталые варварские племена, вполне, впрочем, безобидные. Центральную часть континента занимают обширные Мертвые Пустоши, это очень плохое место.

– А что такое? – заинтересовался Григорий.

– Хм... Хороший вопрос. Скажу честно – я недостаточно компетентен, чтобы осветить все детали... Знаю лишь то, что оказавшись там, человек может быстро и тяжело заболеть. Причем, болезнь не связана ни с вирусами, ни с магией, лекарство не удалось обнаружить даже лучшим алхимикам. Тело заболевшего начинает гнить, разлагаться, пока пациент не умирает от внутреннего кровотечения или отказа жизненно важных органов.

– И что, никто не знает, как бороться с немочью?

– Говорят, некромантам удалось что-то нащупать, – нехотя признал профессор, – Но, сами понимаете, некроманты...

– Вы же сами не так давно читали мне лекцию про толерантность и взаимную терпимость, – устало поддел я, – А теперь с неприкрытым скепсисом отзываемся о чужих наработках.

– Ну знаете, терпимость – это одно, а некромантия – совершенно другое...

– Хорошо, философский диспут устроим позже, – оборвал рассуждения Григорий, – Пока расскажите, что дальше, за Пустошами?

– Дальше, вплоть до самой окраины молодой Мадридской Республики тянутся буквально райские сады: плодородные земли, засаженные зерновыми и плодовыми культурами. Восточнее Мадрида, находится Рим, город меритократии...

– Чего-чего? – сонно уточнил я.

– Э-э-э... Меритократия. То бишь – власть достойных. На руководящие должности там назначаются люди, социальная значимость которых определена сложной системой специальных коэффициентов, а не их родословной или богатством.

– Э-м... А разве в других местах не так? Избирают достойнейших...

– Ой... Не смейся, выборы – это вообще самая большая фикция, придуманная человечеством... Но сейчас не об этом.

Профессор раздухарился, его речь стала живой, тон повысился, голос обрел силу и мощь, затронутые темы задевали ученого за живое.

– А вот южнее... Громадная Средиземная Соляная Пустыня, плавно переходящая в Черный Континент. Именно там, воистину, вотчина дикарей и варваров. Одичалые массы быстро плодящихся орков; бесчисленные полчища злобных гоблинов; людские кочевые племена берберов – исконных охотников за головами и головорезов... Именно оттуда прут неприкаянные орды искателей легкой наживы. Большую часть набегов удается отражать объединенными дружинами Княжеств, но, порой, особо крупные атаки докатываются и до Пруссии.

– Вы хотите сказать...

– Да-да, мой друг, – снисходительно покивал Успенский, – То, что у вас, в зажиточной Пруссии, почитается за несметные армии дикарей, по сути – лишь малые отголоски по-настоящему крупных атак, что отражают Княжества, невольные служащие своеобразным щитом для вашей Республики.

– Ну и ну, – недоверчиво покачал головой Григорий.

Я слушал и двойственное чувство появлялось в голове. С одной стороны, я не мог не верить искренним словам ученого, настолько убедительно и достоверно они звучали. Однако, его утверждения противоречили всему, что я знал до сих пор. Не только примитивным школьным знаниям, но и данным, полученным позднее, из гораздо более авторитетных источников. Таким образом, я не мог слепо довериться профессору, но и отбросить его слова, как никчемный вздор, означало бы совершить огромную глупость.

Григорий склонился над картой. Он принялся расспрашивать профессора о каждом мало-мальски крупном населенном пункте, выяснял особенности той или иной местности, какие там можно встретить опасности, к чему следует быть готовым, какие нравы и законы царят в том или ином Княжестве. Успенский отвечал подробно, развернуто, порой даже слишком. Помимо географии, он зачастую опускался в исторические дебри, повествуя о далеком прошлом и исторических предпосылках, приведших к образованию того или иного образования.

По уму, мне бы тоже следовало внимательно слушать и запоминать. Но... беспокойная ночь дала о себе знать. Под успокаивающий аккомпанемент мерной речи, я стал мало-помалу клевать носом, глаза сами собой закрывались, разум помимо воли погружался в царство сна. В какой-то момент я просто выключился, хорошо, если хотя бы не начал храпеть.

Меня разбудила внезапно наступившая тишина и ощущение, что я пропускаю нечто значительное. Приподнялся в кресле, затекшее тело слушалось с трудом, шея едва ворочалась. Я встал на ноги, проделал несколько махов, чтобы разогреться. Попутно внимательно осматривался, стараясь понять, что же происходит.

Открытой двери рубки виднелось столпотворение – в тесное помещение с трудом вместились вся команда вместе с профессором. И, что удивительно, я не слышал голосов, люди просто стояли и смотрели на что-то невидимое мне.

– Эй, что там? – я протиснулся в рубку, и тут же оказался зажатым между Анжелой и пожилым ученым.

Девушка бросила на меня странный взгляд, ее рука приобняла за шею, заставив повернуться и посмотреть в окно.

Зрелище и впрямь завораживало, я застыл, от удивления забыв про тесноту и неудобство.

Вечерняя полутьма только-только начала стучаться, небо заалело далеко на западе. Света как раз хватало, чтобы подробно рассмотреть то, что находилось прямо под нами, на земле.

Мы медленно пролетали над окраиной чего-то, начинавшегося как небольшая деревушка. Широкая дорога петляла между появлявшимися то тут, то там деревянными одноэтажными домами. Постепенно их становилось все больше, формировались улицы и переулки, появлялись поперечные проспекты, виднелись двух и трехэтажные здания. Ничего удивительного, если бы селение на этом и заканчивалось, но... Не было видно ему ни конца, ни края.

Дома, улицы, здания, становившиеся все больше и выше, тянулись бесконечной чередой, продолжаясь до самого горизонта, и, по всей видимости, далеко за него. Город разрастался во всех направлениях – вдаль, вширь, в высоту. Я видел бесчисленное количество мехмобилей, петляющих по магистралям; толпы прохожих, снующих туда и обратно, словно муравьи в гигантском, невообразимом муравейнике. Дома, улицы, дома, улицы – всевозможных размеров, форм, сочетаний и комбинаций. Я видел лишь малую часть, начало чего-то невообразимого, нескончаемого, по-настоящему громадного.

И вся эта монументальность светилась. В каждом доме, почти в каждом окне горел огонек; мехмобили мигали фарами; уличные фонари разгоняли тьму над широкими мостовыми. Громадная россыпь огней, заполняющая, казалось, весь мир отсель и далее, заставила почувствовать себя крошечным и незначительным. Никогда прежде я не видел настолько величественного и завораживающего зрелища! На этом фоне потерялся бы не только любой человек,

дирижабль казался крошечной песчинкой. Даже, страшно подумать, крупнейший город Республики – Берлин – сошел бы за пригород, муниципальный округ этого бесконечного мегаполиса.

– Что... это? – хрипло выдавил я.

– Это – Пари! – с благоговейным придохом вымолвил Успенский.

– Но как... Не может быть настолько громадного города! Здесь же миллионы жителей... Что все они едят? Пьют? Где работают? На что живут?

– Эх, Глеб... Похоже ты не совсем понимаешь значение таких слов, как логистика, снабжение, плановая экономика, свободный рынок... В Пари так или иначе, прямо или опосредовано, вливаются денежные потоки со всех Княжеств. Мегаполис – сам, как отдельное княжество, страна в стране. Здесь, именно здесь центр мира! Трудно представить, какими суммами оперирует правительство Пари. Поверь, там сидят отнюдь не дураки...

Только теперь я стал замечать видимые невооруженным взглядом признаки зажиточности, можно даже сказать богатства. Дома, все как один, даже те, что деревянные, одноэтажные – красивой, нестандартной архитектуры, украшены великолепной окантовкой, с большими витражными окнами и высокими потолками. Просторные улицы, с идеально ровной поверхностью проезжей части; широкие тротуары; выложенные геометрическими узорами площади; просторные перекрестки; зеленые насаждения, переходящие местами в обширные парки; повсюду золото храмов и серебро крыш, многочисленные вышки, башни, дворцы. И везде свет, свет – бесчисленное число фонарей, трудно представить сколько энергии требуется для освещения таких пространств!

– Нас встречают, – спокойно заметил Григорий, кивнув за окно.

На фоне городского пейзажа по небу плавно плыли два суровых боевых дирижабля, дула орудий, как бы невзначай, направлены в нашу сторону. Они не делали никаких попыток остановиться или направить полет "Расторопного", не передавали никаких команд и сигналов. Просто наблюдали, в голове само собой рождалось понимание: за вами следят, не делайте глупостей.

Уже давно скрылась из виду окраина города, бесконечные населенные пространства разделились во все стороны, насколько хватало глаз. Мы продолжали полет над жилыми массивами, и не было этому ни конца, ни края.

Вдалеке показался огромный стальной остов, торчащий над окружающими домами высоко вверх. Громадный шпиль треугольной башни взлетал к небесам, ее верхушка царапала облака, возле основания проезжали мехмобили, сновали люди, казавшиеся отсюда мелкими букашками.

– Башня Эйфеля... – выдохнул профессор.

– А нам, похоже, туда, – Григорий плавно повернул штурвал.

Вначале я подумал, что Пари, наконец-то, показал свой противоположный край, но нет – взору открылось широченное пространство гигантского воздушного порта. Взлетно-посадочная площадь по размерам превосходила иной городок средней руки, тысячи дирижаблей стояли у пристани, сотни швартовались или отправлялись в полет прямо сейчас. Мощные прожектора разгоняли ночную тьму, над полем было светло, как днем. Сновали служебные мехмобили, швартовочные мачты стояли ровными рядами, белая разметка с непонятными мне указателями предписывала место для посадки и траектории подлета.

Я бы растерялся, слишком много было суеты, непонятных движений по незнакомым правилам. Страх напортачить, помешать кому-то или, не приведи Единый, врезаться, сковал с головы до ног. Но Григорий вел "Расторопного" уверенно, ориентируясь по одному ему понятным знакам, как будто был тут не первый раз.

Дирижабль прошел по пологой траектории над дальней частью порта, Химик не без труда отыскал свободное место в череде пришвартованных судов, на минуту мы зависли, ожидая

появления внизу швартовочной команды. Встречать прилет вышло всего несколько человек, Григорий заставил "Расторопного" снижаться, упали гайдропы, их тут же растащили в разные стороны, закрепив каждый в собственный особый механизм. Заработали лебедки, сматывая провисание тросов, дирижабль ровно и плавно притянули практически к самой поверхности. Меньше, чем через полминуты к борту уже подкатили небольшой раскладной трап.

Химик вздохнул с облегчением, вытер выступивший пот.

– Предлагаю всем отдыхать, – сказал он, – Поиски начнем завтра. Глеб, ты, раз уж хорошенько выспался в полете, будь добр, реши формальности с встречающими.

Я кивнул, хоть и не очень-то горел желанием разбираться с порядками в новом месте в одиночку. Но, действительно, пока другие бодрствовали, я дремал, теперь можно и поработать.

Город встретил освежающей прохладой, ледяные порывы ветра заставили запахнуть полы плаща. Возле трапа с усталым видом дожидался лысоватый мужичок, держа в руках увесистую бумажную папку.

– Добро пожаловать в Пари, – даже не стараясь имитировать радушие, явно заученной фразой проговорил он, – Вот ваш парковочный талон. Квитанция за швартовку, счет за обслуживание, такса на недельный простой...

– А если мы улетим раньше?

– Напишите заявление, остаток средств вам вернут, – не моргнув глазом тараторил клерк, – Идите вон в то здание, на первом этаже найдете кассу, с оплаченными счетами шагайте на второй, там канцелярия номер... – он сверился с бумагой, – ... двести пятнадцать, там оформите допуск к полетам, после чего можете быть свободны, как ветер.

Он стоял, уставившись на меня, я отвечал ему тем же, не понимая, что от меня требуется.

– Вам нужна помощь в оформлении? – спросил мужчина.

– Э-э-э... я думаю, справлюсь сам.

– Первый раз у нас? – на губах клерка появилась нехорошая усмешка.

– Да... – с сомнением подтвердил я.

– Ну... удачи! – он развернулся и быстрым шагом пошел прочь.

Я растеряно смотрел вслед, вертя в руках кипу выданных бумажек.

Административное здание встретило меня многолюдным столпотворением. Несмотря на просторные холлы и широкие двери, протиснуться сквозь толпу оказалось куда как непросто. Многочисленные очереди петляли по залу, начинаясь где-то в недрах человеческой массы, а заканчиваясь далеко в коридорах или даже на улице.

Стоял гвалт голосов, на первый взгляд трудно было разобраться в царящем тут хаосе. Некоторые люди стояли, как вкопанные, терпеливо ожидая очереди. Другие суетливо вертелись, переходя из потока в поток, где, как им казалось, дело движется быстрее. Находились и те, кто лез в самое начало, игнорируя гневные оклики и призывы соблюдать строй.

Тем удивительнее для меня оказалась скорость, с которой я достиг кассы. Все-таки что-то, а изъём денег из граждан всегда и везде стремятся сделать как можно более необременительным.

Очередь двигалась практически без задержек, я даже не обращал особого внимания на хитрожопых, лезущих "только спросить". Примерно через полчаса толкучка донесла меня до окошка кассы, где восседала хмурая уставшая женщина. В других обстоятельствах она могла бы показаться красивой, но царивший вокруг канцеляризм накладывал какой-то неживой отпечаток на природное обаяние.

Не говоря ни слова, женщина выхватила бумаги, глаза быстро пробежали по строчкам, писчее перо бодро заполняло бланк. Она глянула вопросительно и требовательно, я понял, что пришла пора раскошелиться.

Так же молча кассирша приняла Прусские марки, не выказав ни тени удивления. Сноровисто отсчитала сдачу, печать ловко проштамповала кипу квитанций, я стал обладателем разрастающейся горы бумаг, что норовили вывалиться из рук.

– Это все? – ошарашено спросил я.

Но женщина уже забыла про меня, ее руки мелькали над документами следующего посетителя. Невежливыми толчками я был оттеснен прочь, толчая возобновилась с новой силой. Кое-как я продирался к лестнице на второй этаж.

Там пришлось долго шляться в поисках нужной канцелярии. Во все стороны сновали такие же неприкаянные, с напряженными и испуганными лицами. Мне все меньше и меньше нравилось происходящее.

Кабинет двести пятнадцать был отнюдь не последним, я с нарастающим ужасом глянул в коридор, казавшийся бесконечным. Двери, двери, двери... Количество приемных не поддавалось осмыслению, а ведь за каждой работают чиновники... Сколько же человек занимается только учетом новоприбывших?

Очередь у канцелярии оказалась не столь большой, гораздо более цивилизованной и устанавившейся, зато и продвигалась она значительно медленнее. Каждый входящий отсутствовал минут десять, появлялся обратно с кислой физиономией и невнятными ругательствами. За время, проведенное перед дверью, я не увидел никого, кто покинул бы приемную с довольным видом.

Через час ожидания подошла и моя очередь. Вся эта волокита уже заставила изрядно понервничать, я открывал дверь слегка на взводе.

В небольшом кабинете стоял широкий стол, занимающий большую часть свободного пространства. Мягкое кресло предназначалось для хозяина офиса, посетителю полагалось довольствоваться простым деревянным стулом. В кресле восседал человек обычной, стандартной наружности. Я бы сказал, что это был среднестатистический чиновник.

Среднего роста, наполовину лысый, с абсолютно равнодушным выражением на пресном, начинающем заплывать жирком, лице. Из-под второго подбородка вылезал третий; небрежно завязанный галстук перетягивал толстую шею; руки, сцепившись пальцами, лежали на столе. Безразличный взгляд остановился на мне, он заговорил безэмоциональным голосом.

– Документы.

Я положил на стол кипу квитанций и номерков, чиновник брезгливо пошебуршил бумаги, раздался недовольный вздох.

– Паспорт на техническое средство, документы о владении, удостоверение пилота, разрешение на вылеты, сертификат соответствия... – начал перечислять он, – ... данные технического осмотра, страховка от несчастных случаев, маршрутный лист, список пассажиров, таможенный бюллетень...

Чиновник все говорил и говорил, я давно перестал воспринимать новые названия.

– Это что, какая-то шутка? – тупо спросил я, когда перечисление прекратилось.

Хозяин кабинета лишь снисходительно фыркнул, рука протянула мне два объемистых списка.

– Смотрите, здесь список документов и обходной лист. Там указаны кабинеты, где вы можете оформить все необходимое. Когда соберете все бумаги, приходите, я сразу же выпишу вам свидетельство...

Я вышел из кабинета со столь кислой миной, что следующий в очереди невольно отшатнулся. Посмотрев на лист, я завертел головой, ноги понесли меня вглубь бюрократического ада.

Несколько часов я блуждал по коридорам, переходя из кабинета в кабинет. Повсюду встречало одно и то же: толпы, очереди, ожидание, вежливое равнодушие, кипы бумаг, списки недостающих документов. Оказалось, чтобы получить сертификат соответствия, нужно сна-

чала занимать страховку; ее выдают только по техническому паспорту; для добычи одного требуется еще две бумаги, которые, в свою очередь, обменивают только на...

В какой-то момент я с горечью ощутил, что хожу по кругу. Уже второй или третий раз я посещал одни и те же комнаты, стопка бумаг в руках неумолимо росла, не приближая, однако, миг завершения оформления ни на йоту.

Я уговаривал, объяснял, умолял, грозился жалобами, яростно ругался.

Мне отвечали спокойно, безразлично, равнодушно.

"Такова процедура... Ничего нельзя сделать... Так уж заведено, порядок превыше всего... Получите вначале это, а потом уж приходите ко мне... Конечно, можете жаловаться... Заполняйте бланк... Будет рассмотрена в установленные сроки... Ничего не знаю... Это не ко мне... Сам ты козел..."

Во мне поднималась разбуженная злость, священная ярость клокотала в голове, выдавливая остатки разума. Я понял, что если пробуду здесь еще чуть-чуть, то либо начну убивать, либо убьют меня – не зря, вон, охрана на каждом углу стоит.

Я почти бегом вырвался на улицу, зажимая подмышками две внушительные папки с канцелярией. Холодный воздух прочистил мысли, приятно освежил. Стало очень грустно, боевой задор схлынул вместе с остатками сил, накатила безысходность, на глазах чуть слезы не навернулись.

У трапа "Расторопного" прохаживался Доусон, с отрешенным видом разглядывая окрестности. Завидев меня, он сразу оценил масштабы проблем.

– Не удалось? – сочувственно спросил он.

Я обессиленно уселся на ступеньки, грохнув макулатуру прямо на асфальт.

– Эх, Глеб, что ж ты, – засокрушался Джон, – К людям-то подход надо иметь... Давай-ка я попробую.

Он легко подхватил бумаги, на меня уставилась протянутая рука.

– Что? – не понял я.

– Деньги.

Я слишком обессилен, чтобы спорить. Кошель переключал из моего кармана в ладонь Доусона. Он взвесил его, что-то прикидывая в уме, удовлетворенно кивнул, уверенной походкой высокая фигура скрылась вдали.

Отдохнув некоторое время, я поднялся по трапу. Внутри дирижабля царил тишина и покой. Каюты закрыты, из-за одной двери доносился приглушенный храп, машинное отделение задраено, дверь рубки, напротив, распахнута настежь. За столом в кают-компании сидел Григорий, тихо перебирая что-то в своей сумке. Столешница перед ним пестрела склянками, мешочками, порошками, тарелками и прочей алхимической приблудой.

– Да вот, выдалась наконец минутка заняться наукой, – тихо пояснил он, – А как твои успехи?

Я уселся в кресло, с печальным видом пересказывая историю неудачных походов. Химик слушал рассеянно, кивал невпопад, не отрывая взор от реактивов. Его руки порхали над столом, смешивая неизвестные мне порошки, отмеряя точные пропорции зелий, проводя некие непонятные опыты.

– Ну а что ты хотел, Глеб? – недоуменно пожурил он, когда я закончил рассказ, – Это же бюрократизм в его абсолютной форме. Чиновники, как особая, высшая каста общества. Провозвещающее взяточничество, казнокрадство, канцеляризм, бумагомарание, волокита и панибратство, вкупе с синдромом вахтера и непомерным чувством собственной важности...

– Но как... Как они тут вообще хоть что-то делают? Там же невозможно... ничего! Чтобы поставить сраную печать придется несколько дней обивать пороги десятков кабинетов... А чиновники? Их же тут сотни, тысячи! И ведь они, по сути, ничего не производят, просто сидят и... создают препятствия нормальным людям!

– Так и есть, но дело в том, что это система, наработанная десятилетиями. Неэффективная, кривая, нелогичная, безответственная, отчужденная – но система. Разрушить ее можно только сравнив с землей целый пласт гражданского общества, а на это никто не пойдет.

– Как же они живут?

– Очень просто. Чтобы пройти через препоны бюрократии, существует много путей – взятки, связи, встречные услуги "ты мне – я тебе". Каждый отдельно взятый чиновник, пусть самый мелкий, в своей вотчине – царь. В кабинете он чувствует себя великаном, пусть и решает вопросы на самом нижнем уровне. Тем не менее, ты вынужден кланяться, так как, волею судеб, именно в его руках решение твоего вопроса. Как говорится: жалует царь, да не жалует псарь.

Я устало помотал головой.

– Все равно не понимаю...

– Да ладно, тебе просто опыта не хватает. Вспомни, наверняка ведь была возможность сократить волокиту. Тебе намекали? Делали подсказки? Знаки?

– Э-э-э?

– Жесты, подмигивания, неловкие покашливания?

– Подожди... Да, что-то такое было! Еще в самом первом кабинете, этот козел демонстративно покашлял и сделал вот так...

Я показал Григорию жест, как будто рука хлопывает по воротнику.

– Ну! Так он почти прямым текстом сказал! Четыре пальца, значит четыре сотни и вопрос решен!

– Тьфу! Не привык я к подобным выкрутасам. Не понимаю, почему бы им прямо не ввести ценники... Чтобы люди себе голову не ломали.

– Эх, так не принято. У этой игры свои законы и правила. Не их проблема, что ты такой честный и наивный, не понимаешь элементарных сигналов.

Я потерял виски, голова разболелась от полученной информации.

– Шел бы ты спать, – посоветовал Григорий.

– Теперь не усну, – буркнул я в ответ, – Мозги плавятся.

Химик вздохнул, порывшись в сумке.

– Держи. Снотворное, – он протянул малюсенькую склянку, – Только прошу, будь осторожнее!

Критический взгляд Григория прошелся по мне, оценивая, можно ли доверять такому лоботрясу нечто опасное.

– Очень концентрированная штука, – пояснил он, – Капля на стакан воды, не больше! Две капли – проспшишь несколько суток. Три капли – блаженная смерть, уснешь да так и останешься в мире сновидений.

Я благодарно кивнул, отправившись в каюту. На моей кровати смотрела сны Анжела, я не стал ее будить. Соблазнительной показалась мысль улечься под бок девушке, насладиться ее близостью, теплом... Я помотал головой – хотелось спать, отдыхать, а не забавляться.

Самая дальняя каюта обеспечила нужным одиночеством. Стакан воды, тщательно выверенная капля снотворного. Выпил залпом, не ощутив никакого вкуса. Сон пришел еще прежде, чем голова коснулась подушки.

На следующее утро все собрались в кают-компанию, за завтраком. Отдохнувшие, выспавшиеся, даже я чувствовал себя великолепно, видимо сказалось принятое накануне зелье.

Я посмотрел на Доусона, приглашающе махнул рукой.

– Джон, мне кажется, пришло время поведать нам свою историю.

Он нехотя кивнул, досадливо поморщившись.

– История, в общем-то, довольно короткая и не особо интересная. Я пришел в себя здесь, в Пари, в одном печально известном заведении. Мулен Руж – величайшее кабаре города, а, возможно и всего света.

– Кабаре это...

– Все в одном. И кабак с выпивкой, и танцы, и музыка. Стриптиз различной степени откровенности. Ну и проституция, что уж скрывать. Посетителей готовы обслужить представители любой расы, любого пола и в любом количестве. Главное плати.

– А ты там?..

– Меня, скажем так, использовали, как рабскую силу.

– Ты был рабом?

– Ну, не в прямом смысле, но по идее, да, – видно было, что Доусон не очень-то рвется рассказывать о том периоде, – Учитывая то, что в то время я представлял из себя бессловесное, но вполне пригодное к работе тело...

– А как ты туда попал?

– Не спрашивал, – быстро ответил Джон, – Как только ко мне вернулось осознание себя, я тут же сбежал. Не мог больше оставаться там ни единого лишнего мига.

– Понятно... – протянул я, – Что ж, скатаемся туда, порасспросим хозяина заведения.

– Боюсь, это будет не так-то просто, – Доусон с большим сомнением хмыкнул.

Не знаю, откуда взялось это чувство, но мне показалось, что Джон недоговаривает нечто существенное. Что-то ему известно, но неприятно или стыдно в этом сознаться. Не так-то прост наш двойник, как, впрочем, и его прототип.

– И не забудьте отвезти меня в отель! – недовольным тоном напомнил Успенский, – Я и так подзадержался в гостях!

– Сначала дело, профессор, – холодно заметил я, – Потом доставим вас куда угодно.

Он возмущенно засопел, но, в конце концов, вынужденно согласился.

Закончив трапезу, засобирались. Григорий придержал меня на выходе, отведя взгляд в сторону.

– Я, наверное, останусь на дирижабле, – негромко сказал он, – Нужно... кое-что доделать... Да и прослежу, чтобы ничего не украли.

"Боишься пропустить сеанс связи?" – чуть не брякнул я, но вовремя сдержался.

– Как скажешь, – изобразить разочарование было не сложно, – Хотя твоя помощь была бы весьма кстати...

– Да что уж... Делов-то. Скатайтесь, поговорите.

На том и порешили. Отправились вчетвером, долго шли по специальной дорожке мимо гигантской посадочной площадки. Проезжающий мимо мини-омнибус сжалился, подбросив нас до здания воздушного порта.

Я испугался было, что сейчас с нас затребуют справки, пропуска, квитанции и прочие разрешения, но за дело взялся Доусон. Он заговорщицки поболтал с охранником, время от времени кивая в нашу сторону. Только внимательно присмотревшись, я успел заметить момент, когда в руках Джона мелькнули банкноты, тут же скрывшись за пропускной стойкой. Охранник благосклонно кивнул, Доусон махнул рукой, мы все беспрепятственно миновали контрольно-пропускной пункт.

– Надеюсь, вернуться обратно будет так же легко, – с сомнением пробормотал я.

– Не беспокойся, Антуан нас пропустит, – беспечно отмахнулся Джон, – Или Вальтер, его сменщик... Смотря кто будет на вахте.

Вот так, уже не просто познакомился, узнал имена, нашел подходы. Таланты Ханса дают о себе знать. А если бы не только таланты, но и знания, опыт... Охранник сам бы доплатил, лишь бы мы только прошли именно через его проходную. Если бы, если бы.

Поймав такси, уселись. Доусон занял переднее место, меня стиснули с двух сторон ворчливый профессор и прекрасная заклинательница. Водитель восхищенно причмокнул, узнав, куда мы направляемся, выразив, однако, удивление столь раннему часу для визита. Джон отговорился обстоятельствами.

Пока ехали, я, по мере сил, вглядывался в окно, рассматривая новый незнакомый город. И чем больше я смотрел, тем больше замечал, что не все так радужно, как казалось вчера с высоты птичьего полета.

На идеально ровной дороге нет-нет, да и встречались ухабы; брусчатка пешеходных площадей местами вздулась и повылазила; бордюры памяти, кое-где не дошли руки выкрасить все в один цвет; встречались дома с грязными фасадами, один даже подмигивал битым стеклом. Часть старинных домов, идущих то ли под снос, то ли под капитальный ремонт, просто завесили красивой тканью, рисунок которой изображал счастливый облик новопостроенных улиц. Великолепные благоустроенные парки соседствовали с трущобами, огороженными покосившимися заборами. Даже храмы, казавшиеся вчера столь величественными, при ближайшем рассмотрении теряли значительную часть блеска. Под облупившейся позолотой виднелась серая штукатурка, купола церквей уже не навевали мыслей о сказочном богатстве.

Конечно, я понимал, что подсознание специально выискивает недостатки, видит неряшливость и ошибки даже там, где их, может, и нет. Таков уж защитный механизм – чтобы возыгнаться самому, нередко нужно принизить достижения других.

И все-таки – все не то, чем кажется. Даже здесь, в Пари, в центре мира.

Внешне Мулен Руж не впечатлял. С виду – обычная забегаловка, коих тысячи по всему свету. Лишь сверху, на крыше, можно было узреть хоть что-то отличительное – большая ветряная мельница с красными крыльями, неведомо какими путями примостившаяся на верхотуре.

Мы прошли внутрь, оставив верхнюю одежду в полутемном гардеробе. Доусон угрюмо насупился, потащив за собой через череду залов. В одних пили, в других пели, в третьих танцевали. Отдельное помещение отводилось под азартные игры, огромный зал занимали столики с танцовщицами. Мы же прошли в самый дальний, вход куда был почти незаметен для праздношатающихся.

Здесь царило бирюзовое освещение. Центр громадного зала занимала круглая сцена, похожая одновременно на подиум и на цирковой манеж. Остальную часть пространства занимали стоящие на внушительном расстоянии друг от друга столики, утопающие в полумраке. Свет струился сверху, покрывая лишь сцену, оставляя лица зрителей невидимыми.

Усевшись за пустующий столик, все, кроме Доусона, принялись усиленно озираться.

Больше всего меня удивило количество представителей различных рас, присутствующих в кабаре. Банальные эльфы и гномы тут казались обыденностью. Целый отряд зеленокожих расположился неподалеку от своих исконных врагов. Я видел милых, тонких как спички, дриад; над чем-то громко и противно хохотали гоблины; невысокие крепыши, похожие на взрослых детей, скупившись, шептались у барной стойки. Я не поверил глазам – даже парочка вампиров, как ни в чем не бывало, сидели за столиком, потягивая нечто темное-красное из глубоких фужеров.

– Здесь что, и вампирами не брезгают? – мрачно поинтересовался я.

– Рады любому, – кивнув, подтвердил Джон, – Пока ты платишь и не доставляешь другим неприятностей.

К столику подошла официантка, раздав каждому по меню. Взглянув на девушку, я чуть не ахнул. Кожа розовато-бледного цвета выдавала нечеловеческое происхождение, волосы невероятной длины доставали чуть не до пола. Глаза, как синие озера, небольшой милый ротик, изогнутый в веселой улыбке. Полупрозрачная блузка, едва скрывающая женские прелести, без всякого намека на бра. Белоснежный фартук прикрывал то, что не могла скрыть миниатюрная юбочка.

– Скажите, – робко заговорил я, – А вы...

– Русалка, – весело подтвердила она, – Не доводилось встречать?

– Да... То есть нет! – запутался я, – А почему...

– Хорошо платят, – девушка опять предугадала мой вопрос, – *Очень* хорошо.

– А как... Ну то есть, я думал... – из-за неловкости пришлось немного покраснеть, – Что у русалок хвост?

– О, это дурацкая легенда, ничего общего не имеющая с действительностью, – официантка задорно встряхнула головой, отчего великолепные густые волосы водопадом переметнулись с одного плеча на другое, – На самом деле, у нас все как у людей. Очень даже сопряжимо. Если господин пожелает, – она глянула чуть испытующе, – Можно убедиться лично...

– Господин не желает, – ледяным тоном отрезала Анжела.

Температура за столом разом упала градусов на десять, русалка мигом растеряла веселость, вытянувшись едва не по стойке смирно. Записав наши заказы, она с облегчением удалилась. Как я ни старался отвести взор, он каким-то иррациональным образом вновь фокусировался на ее аппетитных ножках и выпуклых бедрах, лишь для приличия прикрытых тонкой тканью. Магия, не иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.